

К. Е. ЛИВАНЦЕВ

СОСЛОВНО-
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ
МОНАРХИЯ
В ПОЛЬШЕ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

К. Е. ЛИВАНЦЕВ

СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ
МОНАРХИЯ В ПОЛЬШЕ,
ЕЕ СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

(II половина XIV—конец XVI вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1968

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Монография является первым в советской историко-правовой литературе исследованием на данную тему. Оно выполнено на основе анализа многочисленных правовых источников и обширной литературы вопроса (преимущественно на польском языке).

В работе по-новому рассматриваются такие проблемы, как генезис польского сейма, сословное представительство в феодальной Польше, система централизованного государственного управления страной, форма правления Польского феодального государства и др. Автор дает свою, оригинальную трактовку по многим вопросам темы.

Монография рассчитана на юристов, историков и всех, интересующихся историей Польши.

ВВЕДЕНИЕ

История Польского государства и права в средние века, образование Польского феодального государства, его сущность, наличие значительной специфики государственного строя, генезис сословно-представительных учреждений, форма правления — все эти вопросы наряду с другими проблемами истории Польши представляют большой научный интерес. Следует отметить, что история Польского государства и права издавна привлекала к себе внимание польских буржуазных и русских дореволюционных историков права. Так, русский историк М. К. Любавский писал: «Поляки создали такое оригинальное государство, подобного которому не было в истории».¹

Пытаясь объяснить происхождение оригинальности политического строя Польского государства, представители буржуазной польской историографии утверждали, что XIV—XVI вв. в истории Польского государства «есть самое счастливое и славное время польского государства, когда все сословия польского общества, в том числе и крестьяне, жили в свободе и благоденствии». Свое мнение о «золотом веке» буржуазные польские историки права (в частности, И. Лелевель, Я. Шуйский, М. Бобжинский) обосновывали тем, что отрицали наличие в Польше феодализма и феодальных отношений.

Идеализируя Польское государство XIV—XVI вв., Лелевель считал, что статуты и привилегии, раздаваемые королями, предназначались для всего народа в целом, а говоря о времени правления польского короля Людовика Венгерского, утверждал, что «народ Польши ему многим обязан».² Он писал, что «главной и важнейшей чертой феодализма есть... зависимость или служба», чего в Польском государстве не было. Отрицая наличие феодализма и феодальных отношений в Польше, Лелевель утверждал, что все народы, включая в это понятие и дворянство

---

¹ См.: М. К. Любавский. История западных славян. М., 1918, стр. 4.
² I. Leliewel. Dzieje Polski. Warszawa, 1829, s. 146.

и крестьян, были проникнуты идеей «духа народа», связывающей в единое целое все сословия Польши.

Ошибки концепции Лелевеля, считавшего движущей силой идею, крылись в идеалистическом понимании им хода исторического процесса.

Отрицая наличие феодализма и феодальных отношений в Польше XIV—XVI вв., польские буржуазные историки права затушевывали классовый характер польского государства, отрицали его крепостнический характер, рассматривали Польшу этого периода как какое-то надклассовое государство, представляющее и обеспечивающее интересы всех сословий польского общества.

С этих позиций они рассматривали королевские статуты и привилегии как такие нормативные акты, которые должны были обеспечить свободы и права всех сословий Польского средневекового государства. Так, они утверждали, что сложившееся в XV в. политическое устройство Польского государства гарантировало всем сословиям определенные права и вольности, чего не было в других государствах.

Русский дореволюционный историк права Н. Кареев написал специальную работу, посвященную истории польского сейма.³ Говоря об особенностях и специфике Польского государства этого периода, Н. Кареев не отвечает правильно на вопрос о характере государственной власти в феодальной Польше. Рассмотрение вопросов дается им в полном отрыве от развития способа производства, изменений в соотношении классовых сил и обострения классовой борьбы в феодальном обществе. В его работе ничего не говорится о сущности и форме Польского государства XIV—XVI вв.

Иначе говоря, ему, как и всем буржуазным историкам, присущи общие методологические недостатки: игнорирование развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений, являющихся подлинной основой общественных отношений, в том числе политических и правовых.

В Польской Народной Республике, отметившей недавно 1000-летие Польского государства, изучению истории государства и права феодальной Польши уделяется большое внимание.

Историко-правовая наука народно-демократической Польши, вооруженная марксистской методологией, добилась крупных успехов, свидетельством чему является ряд капитальных трудов по истории государства и права феодальной Польши. В частности, таких, как двухтомная работа под редакцией J. Bardacha «Historia państwa i prawa polski do roku 1795», монография J. Baszkiewicza «Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przełomie XIII i XIV wieku»; K. Grzybowski «Teoria reprezentacji w polsce epoki odrodzenia» и многие другие.

³ Н. Кареев. Исторический очерк польского сейма. М., 1888.

К сожалению, юридическая литература, посвященная истории Польского государства и права, вышедшая в Советском Союзе, крайне малочисленна, и значительные достижения и опыт советских историков не использованы еще в должной мере нашими историками права зарубежных стран.

Прежде чем перейти к анализу конкретных вопросов работы, необходимо хотя бы вкратце остановиться на некоторых особенностях феодализма в Польше.

Сущность экономической основы всякого общества определяется отношением людей к орудиям и средствам производства, что характеризует в свою очередь и господствующий в обществе тип собственности.

В период феодализма ведущее место в системе общественных отношений занимала земельная собственность, так как в средние века решающую роль играло сельскохозяйственное производство, а основным средством производства являлась земля.

Феодальный способ производства характеризуется наличием крупного землевладения как основы экономической и политической власти феодалов и эксплуатацией зависимых крестьян путем внеэкономического принуждения.

«Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство».⁴

Несмотря на то, что развитие феодализма в Польше проходило стадии, аналогичные другим странам, своеобразие исторического процесса развития Польского феодального государства отразило специфику форм права феодальной собственности в Польше. Если западноевропейская феодальная собственность складывалась на базе разложения римской античной собственности и германской марки, то в Польше феодальная собственность складывалась в процессе разложения первобытнообщинного строя у племен польских славян и роста земельных богатств в руках господствующей верхушки. Иными словами, если феодальная собственность в западноевропейских странах, по характеристике К. Маркса, явилась результатом «синтеза» различных, предшествовавших ей видов собственности (античной собственности и германской марки),⁵ то в образовании крупного землевладения в Польше этого «синтеза» не наблюдается, поскольку в ее образовании решающее значение имело разложение общинной собственности.

В Польше наряду с феодальной аристократией (панами, магнатами, баронами), владевшей землей на вотчинном праве, имела группа средних и мелких феодалов, владевшая землей на условном, так называемом рыцарском праве (*iure militare*). Эта

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. К Критике политической экономии. М., Госполитиздат, 1949, стр. 210.

категория феодалов получила название шляхты, а их земли представляли собой служилые поместья, называемые в источниках выслугами (wysluzonych).

В процессе развития феодальных отношений в Польше различие между выслугой и вотчиной стиралось и согласно Кошицкому привилею 1374 г. условные землевладения шляхты были обращены в наследственные. Иными словами, шляхте удается закрепить за собой выслуженные имения на праве неотчуждаемой феодальной собственности и одновременно с этим приобрести в своих землевладениях те же привилегии, которыми уже обладали паны.⁶

Говоря об особенностях феодализма в Польше, следует отметить, что здесь не было столь сложной феодальной лестницы, как это имело место, например, во Франции и Германии, где не было непосредственной вассальной зависимости всех групп феодалов от короля, а поэтому и существовала сложная иерархическая лестница вассальной соподчиненности. Социальная иерархия в Польском государстве ограничивалась лишь двумя ступенями: король и его вассалы (паны и шляхта), а внутреннее соподчинение между вассалами короля отсутствовало. В результате этого в Польше сложились отношения, при которых пан, независимо от размера его земельных владений, не выступал в качестве сюзерена по отношению к другим более мелким феодалам, что, на наш взгляд, в известной мере благоприятствовало успешной борьбе шляхты за политическую власть.

В результате роста производительных сил, формирования внутреннего рынка и усиления классовой борьбы непосредственных производителей, в Польше в конце XIII в. появилась тенденция к централизации страны; все это сказалось на изменениях в политической надстройке польского феодального общества, и, в частности, на изменении формы правления Польского государства исследуемого периода.

Изучение процесса развития Польского феодального государства в XIV—XVI вв., показ того, как изменения в феодальной экономике, постепенный рост сословных привилегий польских феодалов — панов и шляхты, — растущее сопротивление угнетению непосредственных производителей привели к образованию сословно-представительной монархии в специфической для Польши форме с высшей властью в виде сейма имеет большое значение для правильного понимания характера развития Польского государства. Этим проблемам и посвящена настоящая работа.

---

⁶ О феодальных земельных отношениях у славянских народов подробно говорится в кн.: Л. И. Дембо. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Изд. ЛГУ, 1954, стр. 101—112.

ГЛАВА I

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ ПОЛЬШИ

II половины XIV—I половины XV вв.

§ 1. Объединение Польши. Будзинский договор, Кошицкий привилей. Польско-Венгерская уния

В Польше начала XIV в. наблюдается процесс централизации польских земель в одно государство. Возникновение сословной монархии, властью своей охватившей большинство польских земель, было тесно связано с экономическим развитием Польши. Рост городов и ремесел, развитие торговли и торговых связей между отдельными польскими землями, рост товарно-денежного оборота — все это требовало ликвидации экономической и политической изолированности польских земель друг от друга. Объединение Польши шло путем постепенного сращения уделов. Этот процесс особенно усиленно происходит при Казимире III Великом (1333—1370 гг.). В связи с этим придворные бывших удельных княжеств превращаются в областных правителей.

По названию высших удельных княжеских чиновников-воевод и области, находившиеся под их властью, стали называться воеводствами. Однако воеводы как представители местной власти были носителями сепаратистских тенденций. В борьбе с этими сепаратистскими тенденциями польские короли еще до Казимира III создали институт старостата. Старосты, назначаемые королем в области (бывшие уделы), являлись его наместниками как по административной линии, так и в вопросах военного дела и отправления правосудия. Старостат был централизующим элементом на местах. Казимир III сделал старостат основной опорой королевской власти в областях. Естественно, старостат встретил сильное противодействие магнатов и поэтому не смог развиться и пустить глубокие корни. Этому содействовало, в частности, то обстоятельство, что за воеводой сохранилось командование местным ополчением.

Произведенная королем военная реформа, в силу слабости королевской власти в Польше, не могла устранить этого положения.

По военной реформе Казимира III к военной службе привлекались все землевладельцы — не только паны и шляхта, но и духовные лица, которые должны были также поставлять со своих земель определенное количество воинов. Эти отряды являлись всякий раз по вызову короля, когда объявлялось «посполитое рушение», т. е. всеобщее ополчение.

В целях усиления королевской власти Казимир III пытался провести также и судебную реформу. В 1356 г. он основал высший суд в Кракове, который стал называться «Высшим судом немецкого права в Краковском замке». С учреждением этого суда Казимир III запретил городам обращаться за консультацией по судебным делам в Магдебург и другие немецкие города. Королевская власть преследовала при этом цель — подчинить суд своему влиянию.

Если сопоставить эту реформу суда с кодификационными работами, предпринятыми Казимиром III, то станет ясно, что речь идет, с одной стороны, об унификации польского права в целях борьбы с сепаратистскими тенденциями, на что имеется прямое указание в мотивировочной части Вислицкого статута,¹ и что, с другой стороны, так называемое «немецкое право» было фактически польским правом отдельных городов, суды которых теперь в апелляционном порядке подчинялись общегосударственному королевскому суду.

Результатом этого явилось следующее: если в XIII в. Польша представляла картину крайней феодальной раздробленности, то в XIV произошло объединение большинства польских земель в единое государство. В состав польского государства вошли четыре крупнейшие земли — Великая и Малая Польша, Куявия и Добжинская земля. В 1355 г. признала свою зависимость от Казимира III и Мазовия. Неприсоединенными остались Силезия и Поморье, захваченные немецкими феодалами. О процессе централизации Польского государства в XIV в. свидетельствует также то, что в официальных документах Польша стала называться *Regnum Poloniae*, а в отношении польских земель, захваченных немецкими феодалами, все более часто высказывалось мнение о их принадлежности к польской короне.² Более того, Казимир III, подчеркивая суверенные права короны на Поморье, требовал от папской курии подчинения Западно-Поморского епископства юрисдикции гнезненского архиепископа — главе польского католического клира, мотивируя это необходимостью «сохранения прав и чести Королевства».³

Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на создание центральных органов управления и усиление королевской власти

¹ *Zwód zupełny statutów Kazimierza Wielkiego*, wyd. A. Helcel. *Starodawne prawo polskiego pomniki*, t. I. Kraków, 1856, s. 132.

² См.: *M. Łodyński. Regnum Poloniae w opinii publicznej XVI wieku. Kwartalnik Historyczny (KH)*, 1914, XXVIII, 1, s. 41—48.

³ *Monumenta Poloniae Vaticana*, III, nr. 393 (1360).

на местах, объединение Польши было еще неполным и непрочным.

Смерть Казимира III в 1370 г. означала конец династии Пястов, представители которой занимали польский трон с образования Польского государства.

Ситуация, которая при Казимире Великом предшествовала возведению на польский престол Людовика, сына Карла Роберта,⁴ короля Венгрии, свидетельствовала о сохранившемся могуществе польского możновладства, прелатов и магнатов, об активном участии польской феодальной знати в государственных делах, о их силе и решающем влиянии в Польском государстве.

Следует отметить, что утверждение Людовика Венгерского преемником Казимира III проходило при активном участии и поддержке możновладельцев Малой Польши.

В результате переговоров в 1355 г. появился Будзинский привилей, согласно которому Людовик обязался не собирать никаких податей «сверх обычая и вольностей».⁵ Вместе с тем Людовик обеспечил себе право принятия добровольных даней со стороны городов Польши.⁶

Важное решение содержала вторая статья о постоях (станциях), отменяющая право короля, не неся своих расходов, останавливаться во время поездок по стране в феодальных поместьях.⁷

Эти поездки монарха были крайне обременительны для феодалов, так как влекли за собой большие расходы. Поэтому уже давно польские феодалы стремились освободиться от этой повинности.

Теперь Людовик обязался не пользоваться правом постоя ни в духовных, ни в светских имениях. Следовательно, и в этом пункте привилея феодалы Польши добились от Людовика больших уступок, чем они имели при Казимире III. Добиваясь новых привилегий, польское możновладство стремилось закрепить за собой все старые свободы и привилегии, которые оно имело. Поэтому Будзинский привилей содержит обязательство Людовика сохранять все старые привилеи и договоры, данные его предшественниками в Польше.⁸ Особо было выделено обязательство венгерского претендента на польский престол платить шляхте за военные походы вне пределов Польского государства.⁹ По-видимому, польским феодалам понадобилось особо выделить обязательство короля об уплате за несение воинской службы, чтобы подчеркнуть, что в случае войны на территории

⁴ В 1339 г. Казимир III в Вышеграде заключил договор со своим зятем Карлом Робертом Венгерским, по которому признал его сына Людовика своим наследником. В 1355 г. в Будзине этот договор был подтвержден вновь.

⁵ J. V. Wandtkie. Jus Polonicum. Varsaviae, 1831, s. 156.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 157.

⁹ Там же.

Венгерского королевства Людовик будет платить шляхте, хотя Польша и Венгрия предполагались связанными личной унией.

Было установлено, что если у Людовика не будет мужского потомства, то венгерская династия теряет право после его смерти на польский престол.¹⁰ Тем самым продолжение венгерской династии в Польше ставилось в зависимость от согласия польского możновладства, что делало положение Людовика еще более зависимым от феодалов.

Будзинский договор закрепил право Людовика на польский престол после смерти Казимира III.

Когда Казимир III умер, польским королем стал венгерский король Людовик, который, опираясь преимущественно на поддержку малопольских феодалов, оказывал последним особую благосклонность, что вызвало враждебное отношение великопольских феодалов к новому королю. Так было положено начало Польско-Венгерской унии.

Встретив оппозицию со стороны великопольских феодалов, Людовик скоро уехал из Польши, оставив править польским королевством свою мать Елизавету, сестру Казимира III.¹¹

Для укрепления положения венгерской династии в Великой Польше Елизавета осуществила там некоторые акции с целью умиротворения великопольских феодалов.

Так были учреждены специальные суды, рассматривавшие дела по возвращению имуществ, отобранных у великопольской шляхты в результате несправедливых приговоров.¹² Был пожалован ряд частных привилеев некоторым городам Великой Польши, Познани и Калишу были возвращены окрестные деревни, отнятые в период правления Казимира III.

С самого начала своего правления в Польше Людовик стремился утвердить свою династию на польском престоле. Однако Будзинский договор 1355 г. ставил условием продолжения династии Людовика в Польше наличие у него мужского потомства. Но у него не было сыновей. В обмен на Кошицкий привилей право на польский престол было признано за дочерьми Людовика.

Кошицкий привилей 1374 г. имеет особое значение в истории польского феодального государства и права. Он явился первым привилеем, охватывающим наряду с магнатами и всю массу рыцарства, и завершил оформление польской шляхты как сословия. Этот же привилей превратил шляхту и панов в один господствующий и привилегированный класс, установив единое понятие шляхты как дворянства.

По своей структуре Кошицкий привилей распадается как бы на две части. Первая часть содержит признание за дочерьми Людовика Венгерского права на наследование польской ко-

¹⁰ Там же.

¹¹ М. Кромер. *Kronika. Warszawa, 1776, s. 374.*

¹² Т. Конечный. *Dzieje Polski za Jagiellonów. Kraków, 1903, s. 32.*

роны.¹³ Во второй же части привилея, наиболее интересной и существенной, говорится о дальнейших уступках королевской власти в пользу феодалов. Кошицкий привилей фактически освободил как панов, так и шляхту от всех государственных повинностей, за исключением военной и небольших денежных платежей. Теперь феодалы освобождались от уплаты всех налогов в пользу короны, за исключением двух грошей с лана (так называемое порадльное), которые нужно было вносить в казну один раз в год.¹⁴ Порадльное — это существовавший с давних времен налог на земельный надел, об этом говорит само название подати: порадльное — рало (плуг). До Кошицкого привилея порадльное не было ограничено ни точно фиксированным размером, ни частотой его собирания.

Это освобождение от налогов панов и шляхты привело к тому, что королевская власть попала в еще большую зависимость от феодалов, без согласия которых она не могла получить дополнительных субсидий. В результате шляхетское сословие, решая налоговые и финансовые вопросы, получило возможность значительно влиять на решение государственных дел. Этим был сделан первый шаг по пути ликвидации привилегированного положения możновладцев в Польском государстве.

Что же касается податей крестьянства, то, кроме уплаты указанного порадльного в размере 2 грошей с лана в пользу короны, они несли обременительные и многочисленные повинности в пользу своих господ. Крестьяне платили феодалам денежную ренту, ренту продуктами, выполняли барщинные работы, платили десятину в пользу церкви. Кроме того, они выполняли и другие дополнительные повинности: платили натурой или деньгами так называемые «завтраки», с них взимались «добровольные приношения».¹⁵

В числе новых льгот польских феодалов особое место занимало обязательство короля замещать земские должности воеводы, каштеляна, судьи и подсудка только лицами из среды местных феодалов.¹⁶ Эта уступка Людовика Венгерского затрудняла развитие процесса централизации Польского государства, начавшегося в предшествующий период.

Постановление Кошицкого привилея о том, что «замки и города королевства, в которых имеются высшие, в том числе и судейские, должности, а именно: Краков..., Вислица, Войнич в Краковской земле; Сандомир, Завихость, Люблин... Луков, Радом в Сандомирской земле, затем Ленчицкий замок в Ленчицкой земле, в земле Сирадзской Петрков, затем в земле Куяв-

---

¹³ J. V. Bandtkie, ук. соч., стр. 184.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Вопросы правового положения польских крестьян на высоком научном уровне исследованы Л. В. Разумовской в книге «Очерки по истории польских крестьян». М., Изд. АН СССР, 1958.

¹⁶ J. V. Bandtkie, ук. соч., стр. 184.

ской Брест, Крушвица, Владиславия, затем в Великой Польше Познань..., Калишь... не будем передавать никому другому, кроме как уроженцам данной земли или лицам, состоящим военачальниками (старостами) в данном королевстве»¹⁷ также отражало децентралистские тенденции в польском государстве, так как не только земские должности, но и указанные в источнике наиболее крупные города переходили под контроль местных феодалов. Правда, следует отметить, что король сохранил за собой право передавать в управление 23 города не только местным феодалам, но и королевским старостам, которые являлись представителями центральной власти на местах, и назначение на эту должность не зависело от согласия местных панов и шляхты. Здесь же в привилее содержится обязательство короля не назначать на должности старост лиц иностранного происхождения.¹⁸

В определенной части Кошицкий привилей расширял и конкретизировал уже имевшиеся привилегии и вольности магнатов и шляхты. Так, подтверждалось освобождение светских феодалов от обязанности предоставления королю и его свите постоя.¹⁹ Следует отметить, что духовенство, напротив, оказалось лишенным этой привилегии, несмотря на то, что Будзинский договор предусматривал освобождение от постоев короля как светских, так и духовных феодалов. Дело в том, что прелаты отказались признать право дочерей Людовика на польский престол. Поэтому Кошицкий привилей вопрос о привилегиях клира обходит молчанием.

Как в статутах Казимира III и в Будзинском привилее, так и в рассматриваемом документе предусматривалось вознаграждение в пользу феодала за ущерб, причиненный ему и его имуществу при военном походе за границу, с тем существенным дополнением, что, согласно Кошицкому привилею, король обязуется также выкупить дворянина из плена, если он попал в него, находясь в походе за пределами Польши.²⁰

Кошицкий привилей отменил по существу обязанность феодалов участвовать в строительстве и ремонте замков, которые имели, как сказано в источнике, оборонное значение. Только в том случае, когда строительные работы начинались с согласия местных феодалов, паны и шляхта должны были нести определенные расходы по строительству.²¹ Это ставило королевскую казну ввиду ее скудности в еще большую зависимость от феодалов.

Кошицким привилеем шляхетские бенефиции были окончательно превращены в наследственные владения, что свидетельст-

---

¹⁷ Там же, стр. 185.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

вовало о признании за шляхтой тех же прав на землю и крепостных, которые имели паны.

Итак, исходя из анализа Кошицкого привилея, можно сделать следующие выводы.

Кошицкий привилей являлся общегосударственным так называемым генеральным привилеем,²² данным не отдельному магнату или дворянину, не отдельной группе феодалов, а всему феодальному сословию в целом. Это был односословный привилей, данный только светским феодалам, тогда как Будзинский договор содержал также привилегии для духовных феодалов и определенные обязательства по отношению к городам.

Особое значение имел Кошицкий привилей для возвышения положения шляхты. Рыцарство, именуемое шляхтой, после 1374 г. стало превращаться в серьезную политическую силу, с которой вынуждены были считаться не только королевская власть, но и можновлады. В дальнейшем, опираясь на привилегии и с помощью военной службы, шляхта, участвуя в решении вопроса о наследовании престола и вотировании податей и субсидий, не только еще больше будет ограничивать королевскую власть, но, и, подорвав в известной мере могущество и значение можновладства, сама начнет играть решающую роль в политической жизни страны.

Но это произойдет позднее, а в 1374 г. Кошицкий привилей явился важным этапом еще большего усиления польского можновладства, которое продолжало являться руководящей силой во внутренней и внешней жизни Польского феодального государства.

Привилей 1374 г. появился на свет главным образом потому, что особенности исторического развития Польского государства, незначительная роль городов в политической жизни страны и отсутствие поддержки королевской власти со стороны городов Польши сохранили в стране и после объединения могущество и власть можновладцев. Все это отрицательно сказывалось на процессе централизации страны, которая носила неполный и далеко не заверченный характер, и вело к ослаблению королевской власти.

§ 2. Олигархия магнатов Малой Польши и ее борьба за власть с феодалами Великой Польши

Вскоре после издания Кошицкого привилея мать Людовика Елизавета, которая была наместницей короля в Польше, уехала в Далмацию.²³ И ранее, с самого начала правления венгерской

---

²² От имени королевской власти издавались привилеи как индивидуальные, так и общие. При этом последние могли распространяться на отдельную землю, провинцию и на территорию всего государства. Привилеи общегосударственные назывались генеральными, в период сословной монархии они стали иметь решающее значение.

²³ J. Długosz. Dzieła wszystkie, t. IV. Kraków, 1868, s. 336.

династии в Польше, власть фактически находилась в руках малопольских магнатов. Теперь же, после отъезда Елизаветы, олигархия крупнейших феодалов Малой Польши стала особенно заметной, так как Людовик решил управлять Польшей, не выезжая из Венгрии и не назначая в Польше никого своим наместником.²⁴

Малопольские паны держали в своих руках все управление страной. Приезд Елизаветы в Польшу через год не изменил положение в стране. Ян из Чарнкова, автор хроники, говоря об этом времени, писал, что «Елизавета в своих решениях руководствовалась указами панов, фактически стоявших у власти в стране» (т. е. малополян), которые «советовали Елизавете не так, как того требовали интересы государства, но как они хотели».²⁵

Засилие крупных магнатов сказалось и в том, что от их притеснения и грабежей сильно страдали шляхта, рыцари (особенно мелкие).

«Во время короля Людовика, — пишет Ян, — в польском королевстве не было никакого порядка, никакой справедливости. Королевские старосты и их бургграфы позволяли себе постоянно грабить имущество рыцарей, а магнаты, которые заботились о своих собственных выгодах и выгодах своих родственников, уверяли короля, что в Польше все так же хорошо и спокойно, как и во времена Казимира III».²⁶

Продолжая опираться преимущественно на малопольских феодалов, Людовик предпринял некоторые меры к укреплению своих позиций в Великой Польше. Одновременно он попытался усилить свою власть над всей Польшей путем введения в стране института наместничества. Во главе этого наместничества был поставлен Владислав Опольский, племянник Людовика, ставший, таким образом, наместником короля в Польском государстве.²⁷

Однако это решение короля вызвало недовольство польских феодалов, так как противоречило постановлениям Кошицкого привилея, согласно которому высокие государственные должности в Польше запрещалось занимать иностранцам. Поэтому, как сообщал Длугош, паны краковской и великопольской земель собрали сеймы в Вислице и Гнезно и, согласовав между собой решение, постановили отказаться «подчиниться этой неслыханной новости».²⁸

Мы видим в решениях этих сеймов временную коалицию феодалов Великой и Малой Польши, которые, заботясь о своих привилегиях, потребовали отмены наместничества. Людовик был

---

²⁴ Там же.

²⁵ Kronika Jana z Czarnkowa. Warszawa, 1905, s. 21.

²⁶ Там же, стр. 82.

²⁷ Там же, стр. 45.

²⁸ J. D ł u g o s z. Dzieła wszystkie, s. 350.

вынужден отступить, и его ставленник Владислав Опольский оказался смещенным с наместничества, а сам этот институт был упразднен.

В конечном итоге от провала попыток Людовика ввести наместничество выиграли магнаты Малой Польши. Не имея возможности править в Польше через своих родственников и не желая лично находиться в Польше, Людовик, естественно, был вынужден передать власть в руки тех, кто фактически имел ее уже давно.

В 1380 г. Людовик пригласил польских прелатов и магнатов приехать в Венгрию, чтобы согласовать вопрос об управлении польским государством. Хотя туда и съехалось значительное число польских феодалов, но все дела решала небольшая группа приближенной к королю малопольской знати, с мнением которой Людовик особо считался.

На этом съезде по совету группы możновладцев Людовик постановил, чтобы канцлер королевства Завиша, краковский каштелян Добеслав, брат Завиши, и краковский староста Седзивой осуществляли в Польше наместническое правление.²⁹ Компетенция власти наместников была обширна, так как им было предоставлено право назначать на все должности в Польше, исключая только должность каштеляна и воеводы Кракова.

Теперь власть в Польше не только фактически, но и формально перешла в руки малопольского możновладства. Двое из наместников принадлежали к магнатам Малой Польши, а Седзивой, хотя и принадлежал к великопольскому możновладству, однако являлся сторонником венгерского двора.

В задачу наместников, пишет Длугош, входило установление порядка в Польше и ликвидация разбоев на дорогах.³⁰ Наместники должны были умиротворить феодалов Великой Польши, враждебно настроенных по отношению к венгерской династии в Польше. Необходимо было также решить вопрос о возвращении множеству польских рыцарей незаконно захваченных имений, а также земель, отобранных у шляхты в результате несправедливых судебных решений и насилий со стороны możновладства. Особенно много таких случаев было в Великой Польше, части страны с большим числом среди феодалов среднего и мелкого рыцарства. Понятно, что когда двое из наместников, приехав в Великую Польшу, огласили, что они прибыли по постановлению Людовика для возвращения земель, несправедливо отобранных у шляхты, то к ним съехалось громадное количество великопольского рыцарства, привезшего жалобы против старосты и других должностных лиц с документами, доказывавшими, что они владели землей по наследству и были несправедливо лишены ее.³¹

²⁹ М. Котег, ук. соч., стр. 386.

³⁰ J. Długosz, ук. соч., стр. 363.

³¹ Там же.

Однако все жалобы и претензии рыцарства не были удовлетворены. Дело в том, что канцлер Завиша³² в Великую Польшу не поехал, а без него остальные наместники были неправомочны принимать решения по существу. По-видимому, это было сделано с умыслом, так как возвращение земель великопольскому рыцарству неминуемо вызвало бы такое же требование рыцарства всей страны.

Стремясь ослабить оппозицию великопольских феодалов, Людовик предпринял попытку примириться с польской церковью, что и удалось ему сделать.

Как известно, польское духовенство отказалось платить по-радльное, и церковные земли фактически продолжали оставаться свободными от налогов в королевскую казну. Правда, монастырские владения в 1374 г. были обложены налогом в размере 6 грошей с лана.³³

В 1381 г., через семь лет после издания Кошицкого привилея, состоялось соглашение между Людовиком и польской церковью, согласно которому церковные имения стали также облагаться налогом в пользу короля в размере 2 грошей с лана.³⁴

Правление наместников, ничего не сделавших для удовлетворения претензий великопольских феодалов, вызвало среди последних сильное недовольство, и после смерти канцлера Завиши институт наместников прекратил свое существование.³⁵

Время правления Людовика, который интересовался прежде всего венгерскими делами, характеризуется усилением власти крупных польских феодалов, что не могло не сказаться, конечно, на ослаблении королевской власти.

Объясняя слабость власти короля, польский историк права Я. Шуйский писал, что «главной причиной ослабления королевской власти была чуждость политики двора и отсюда вытекающая непопулярность».³⁶

Это объяснение неверно. Причина ослабления королевской власти Людовика заключалась в том, что, не имея возможности опереться на польские города, он вынужден был искать поддержку у малопольского możnowładztwa. Рост власти магнатов и прелатов являлся тормозом в деле создания действительно централизованного Польского государства.

После смерти Людовика Венгерского в 1382 г. в Польше наступили годы бескоролья, в течение которых проходила ожесточенная борьба за власть между отдельными феодальными группировками. Эта борьба была тесным образом связана с вопросом о кандидатуре будущего польского короля. В конце концов польские феодалы пришли к согласованному решению.

---

³² М. Кромер, ук. соч., стр. 386.

³³ J. Długosz, ук. соч., стр. 370.

³⁴ Kronika Jana, s. 66.

³⁵ Там же.

³⁶ J. Szujski. Dzieje Polski. Lwów, 1862, s. 260.

В Радоме был созван сейм великопольских панов и шляхты, которые остановились на кандидатуре дочери Людовика Ядвиге. При этом Ян сообщает, что на этом сейме паны и шляхта решились присягнуть Ядвиге при условии, если она будет безвыездно жить в Польше.³⁷

Почти одновременно с Радомским сеймом был созван сейм малопольских феодалов в Вислице «для предания данному решению (в Радоме) большей силы и значения».³⁸

Так оказалась разорванной Польско-Венгерская уния.

Несмотря на то, что на сеймах в Радоме и в Вислице великопольские и малопольские феодалы пришли к единому решению по вопросу о кандидатуре на польский престол, однако, каждая феодальная группировка стремилась использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. Великопольские феодалы хотели ликвидировать свою зависимость от магнатов Малой Польши, в руках которых находились не только центральные органы власти, но и ряд должностей в Великой Польше.

Великопольские и малопольские можновладцы согласились признать Ядвигу польской королевой, преследуя при этом разные цели. Великопольские феодалы хотели, короновав Ядвигу, выдать ее замуж за мазовецкого князя Земовита и при его поддержке получить преобладающее значение в Польше. Малопольские же феодалы рассчитывали, что, посадив на польский престол младшую дочь Людовика Ядвигу, они смогут еще больше укрепить свою власть в стране. Кроме того, они вели переговоры с великим литовским князем Ягайло о женитьбе его на Ядвиге.

Необходимо было спешить, потому что в марте 1383 г. в Серадзе состоялся новый провинциальный сейм, куда съехались великопольские феодалы, постановившие избрать польским королем Земовита.³⁹

В этих условиях внутрифеодальной борьбы в октябре 1384 г. в Кракове на польский престол была возведена Ядвига, провозглашенная королевой Польши.⁴⁰

§ 3. Польско-Литовская уния. Корчинский и Петрковский привилеи

В стране по-прежнему продолжали хозяйничать магнаты и прелаты, при этом преобладание сохранялось, как и раньше, за малопольскими феодалами.

Многие буржуазные польские историки вынуждены были признать, что с начала правления Ядвиги наступило золотое время для польского можновладства. Шайноха писал: «Насту-

---

³⁷ Kronika Jana, s. 85.

³⁸ J. Długosz, ук. соч., стр. 389.

³⁹ Там же, стр. 400.

⁴⁰ Там же, стр. 422.

пило золотое время для польского можновладства Великой и Малой Польши, которое правило в стране от имени малолетней королевы».⁴¹

Феодалная знать, держа в своих руках всю реальную власть, расхищала королевские поместья, присваивая земли из королевского домена.

Вместе с тем перед лицом растущей угрозы существованию Польского государства со стороны Тевтонского ордена все более актуальным становился вопрос о союзнике для совместной борьбы с германской феодалной агрессией. Польско-Венгерская уния не оправдала тех надежд, которые возлагались на нее можновладцами: возвращение занятых немцами польских земель и переход в руки магнатов Малой Польши Галицкой Руси, захваченной Людовиком для Венгрии.

В этих целях малопольские паны выдвинули идею унии Польши и Литвы, которая к концу XIV в. стала одним из сильных государств Восточной Европы и включала в свой состав, помимо собственных литовских земель, белорусские, украинские и некоторые русские земли.

В 1386 г. был заключен брак между Ядвигой и литовским князем Ягайло, который стал польским королем под именем Владислава II. Так была оформлена Польско-Литовская уния, которая привела к усилению Польского государства.

Эта уния предусматривала включение Великого княжества Литовского в состав Польского государства на положении провинции. В целях обеспечения главенствующей роли в объединенном государстве за польскими феодалами Ягайло проводит политику насильственного насаждения католицизма в Литве.

Сыграв определенную прогрессивную роль в борьбе двух объединенных стран — Польского королевства и Великого княжества Литовского — против агрессии германских феодалов, Польско-Литовская уния имела, однако, и отрицательные последствия.

Во-первых, уния была выгодна прежде всего польским духовным и светским феодалам. Их могущество после соединения Польши и Литвы еще более возросло: польские паны, шляхта и духовенство стали увеличивать свои земельные богатства за счет захвата тех русских земель, которые к указанному времени находились в составе Великого княжества Литовского. Уния, способствуя усилению могущества польских феодалов, приводила в свою очередь к дальнейшему ухудшению положения крестьян.

Во-вторых, проникновение польских феодалов в литовско-русские земли несло местным крестьянам тяжелый национальный гнет, беспощадную эксплуатацию и дикий произвол. Кроме того, следует отметить, что политика польского короля Ягайло

---

⁴¹ Ш а й н о х а. Ядвига и Ягайло, т. II. СПб, 1882, стр. 2.

(который, согласно унии, являлся одновременно и великим литовским князем), отвечавшая прежде всего интересам польского можновладства, встретила со стороны литовско-русских бояр довольно широкую оппозицию. Поэтому польские феодалы были вынуждены пойти на некоторые уступки по отношению к литовско-русской знати и пересмотреть в связи с этим условия унии.

Важнейшей задачей, которая стояла перед новым польским королем, являлось устранение все растущей опасности со стороны Тевтонского ордена.

Маркс, говоря об агрессивных замыслах немецких феодалов по отношению к народам Восточной Европы, указывал, что «в первой половине XIV в. тевтонский орден стал серьезной угрозой для Польши, Литвы и других стран Востока...».⁴²

В 1410 г. при Грюнвальде произошла знаменитая битва между войсками Ордена и польско-литовскими силами, в состав которых входили и русские полки.

Над орденской армией была одержана полная победа, в ее разгроме сыграли выдающуюся роль смоленские полки. Эта победа значительно усилила политический и международный престиж Польши и Литвы.

Ягайло начал свое правление с подтверждения всех вольностей польских феодалов и пожалования им новых привилегий. Так, польский король в 1386 г. уже через несколько часов после коронации выдал так называемый Корчинский привилей, значительно увеличивающий права и льготы польских феодалов.

Корчинский привилей представляет собой не только подтверждение Кошицкого привилея, но и дальнейшее его развитие.

Если в 1374 г. Людовик обязался назначать на земские должности только местных панов и шляхту, не ограничивая себя при этом согласием феодалов, то теперь Ягайло обещал, что все назначения будут даваться лишь лицам, живущим на земле, где появится свободная вакансия, и притом только с согласия местных феодалов.⁴³ Далее, если Кошицкий привилей предоставлял местным феодалам в держание 23 наиболее крупных города, а все остальные король мог отдавать кому хотел, то теперь Ягайло обещал, что «все коронные земли... не будут отдаваемы в управление или в аренду иноземцам, а только лицам польского происхождения... Только польские феодалы могут получать староства».⁴⁴

В Корчинском привилее шляхта добилась еще больших, по сравнению с Кошицким, компенсаций и возмещения убытков при несении воинской службы.

---

⁴² Арх.лв К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V. Госполитиздат, 1938, стр. 347.

⁴³ J. V. B a n d k i e, ук. соч., стр. 189.

⁴⁴ Там же.

В Кошицком привилее Людовик обеспечил себе налог в размере 2 гроша с лана земли. Такое обложение вызвало недовольство среди мелкого рыцарства, которое иногда само, обрабатывая землю, как бы смешивалось с кметями в одно податное сословие.

В Корчинском привилее порадльное теперь должно было собираться не с лана, а с головы кметя,⁴⁵ и, таким образом, совершенно освобождалась от уплаты порадльного обедневшая шляхта.

В Кошицком привилее ничего не говорится об ограничении или упразднении судебной власти королевских судей-оправцев. Теперь Ягайло обязался, что «королевские чиновники, оправцы, судьи уголовной юстиции, с этих пор будут окончательно упразднены».⁴⁶

Какой же вывод можно сделать на основании анализа этого нормативного акта?

Прежде всего необходимо отметить, что Корчинский привилей, как и Кошицкий, носил односословный характер, отражая в первую очередь интересы польской феодальной аристократии. В интересах феодальной знати было, например, положение о назначении на земскую должность только поляков и только с согласия местных феодалов. В результате упразднения должности королевских судей-оправцев судебная власть перешла в руки земских чиновников. А если учесть, что на земские должности фактически могли назначаться только ставленники местных панов, ибо требовалось их согласие, то станет ясно, что государственный аппарат как центрального, так и местного управления, включая судебные органы, фактически оказался в руках польского можновладства.

Эти постановления еще более ослабили королевскую власть в стране.

Что касается шляхты, то сосредоточение земских должностей в руках магнатов имело для первых и положительные и отрицательные последствия. Действительно, рыцарству теперь не грозила юрисдикция королевских оправцев. В случае, если шляхтич попадал в суд по обвинению в разбое и грабеже, чем рыцари занимались весьма часто, то их судили местные паны, у которых рыцарь мог найти поддержку и оправдание.

Однако переход всей власти в руки панов имел для рыцарства также и весьма пагубные последствия. Теперь польское можновладство, значительно усилив свою власть, безнаказанно нападало на рыцарские поместья, отбирало у них землю и т. д.

Привилей 1386 г. еще более ухудшал правовое положение крестьянского населения, так как вследствие ликвидации должности королевских судей-оправцев кмети еще в большей сте-

---

⁴⁵ Там же, стр. 190.

⁴⁶ Там же.

пени, чем раньше, попадали под юрисдикцию своих господ, сосредоточивших теперь в своих руках все земское судопроизводство.

Наряду с устранением опасности со стороны Тевтонского ордена перед польским королем стояли также задачи ликвидации междоусобной борьбы из-за недовольства великопольских феодалов и возвращение польским феодалам Галицкой Руси, к захвату которой особенно стремились малопольские магнаты.

Малопольские możnowładcy были вынуждены отказаться от политики притеснений и ущемлений по отношению к феодалам Великой Польши, видя невозможность умиротворения их такими методами.

Отчасти вследствие издания привилея 1386 г., отчасти благодаря тому, что во время своей поездки в Великую Польшу Ягайло роздал великопольским феодалам многочисленные подарки и доходные должности,⁴⁷ оппозиция в Великой Польше была ослаблена и большинство ее феодалов перешло на сторону польского короля.

В 1388 г. Ягайло издал Петрковский привилей, конкретизировавший Корчинский привилей и расширявший в целом права польской шляхты. Так, если ранее не была установлена плата за службу феодала на войне, то теперь король обязывался платить каждому шляхтичу по 5 гривен за копье.⁴⁸

Новое было и в вопросе об оправцах (юстициариях). В привилее 1386 г. Ягайло обязался упразднить эту должность. Однако необходимость какого-то контроля в уголовных делах над феодалами обусловила то, что пункт об оправцах в привилее 1386 г. фактически выполнен не был. В привилее 1388 г. в вопросе об оправцах мы видим компромисс между феодалами и королем: должность оправца была сохранена, но власть его была сильно ограничена. Теперь он мог судить только тех преступников, которые были схвачены на месте преступления.

Помимо того, что польское możnowładztwo путем получения новых привилеев от Ягайло закрепляло свои позиции и власть внутри Польши, внешняя политика польского короля также была направлена в сторону удовлетворения интересов możnowładztwa и в первую очередь магнатов Малой Польши.

Дело в том, что малопольские паны, по соседству с которыми находилась Галицкая Русь, не могли примириться с потерей этих земель, дававших им богатые доходы и решили вновь прибрат к рукам Галицкую Русь. Этому намерению малопольских панов способствовало внутривосточное положение в Венгрии, где после смерти Людовика не прекращалась междоусобная борьба между отдельными феодальными группировками. Для того чтобы придать захвату Галицкой Руси вид законного воз-

---

⁴⁷ Długosz, ук. соч., т. IV, стр. 437.

⁴⁸ J. V. Bandtkie, ук. соч., стр. 192.

вращения, во главе польского войска королевская рада поставила Ядвигу.

Венгерские войска, расположенные в русских замках, не оказали сопротивления, и Галицкая Русь вновь стала на долгие годы объектом грабежа, насилия и эксплуатации со стороны польских феодалов.

Так, в итоге захвата польскими феодалами Галицкой Руси и инкорпорации Литвы в состав Польского королевства было положено начало превращения Польского феодального государства в многонациональное, в которое оказались насильственно включенными восточнославянские и литовский народы.

§ 4. Общегосударственные съезды феодалов и земские сеймики. Червинский привилей. Вартский статут

Говоря о польском государстве конца XIV в., буржуазный историк права Кутшеба писал, что период бескорольевья после смерти Людовика способствовал объединению польских земель в одно государство.⁴⁹ Это утверждение неверно. Быстрый рост власти польских феодалов после смерти Казимира III привел к тому, что процесс централизации польского государства оказался заторможенным.

Что же представляло собою в конце XIV в. Польское государство по форме правления? По этому вопросу в правовой и исторической советской литературе можно наметить в основном две группы работ.

Первая группа работ по существу воздерживается от определения формы правления Польского государства конца XIV в., в них содержится лишь описание государственного устройства, государственного аппарата, но не делается теоретических выводов по интересующему нас вопросу.

Так, в капитальном труде «Всемирная история» под редакцией Н. А. Сидоровой, Н. И. Конрада, И. П. Петрушевского и Л. В. Черепнина ничего не говорится о форме Польского государства указанного периода, несмотря на то, что этот вопрос представляет научный интерес, так как в результате политического объединения страны произошли существенные изменения в государственном строе феодальной Польши.

В ряде других работ, к которым относится, например, учебник по «Истории государства и права»,⁵⁰ государственный строй Польского королевства конца XIV в. характеризуется как огра-

⁴⁹ С. Кутшеба. Очерки истории общественно-государственного строя Польши. СПб, 1907, стр. 84—85.

⁵⁰ См.: История государства и права, т. 1. М., Юриздат, 1949, стр. 435—438. — Следует отметить, что учебник по «Истории государства и права зарубежных стран», т. 1 (М., 1963, стр. 449) придерживается в этом вопросе нашей точки зрения (см.: К. Е. Ливанцев. История государства и права феодальной Польши XIII—XIV вв. Изд. ЛГУ, 1958, стр. 70).

ниченная централизованная монархия с некоторым сохранением старых удельных порядков.

Эта точка зрения не дает точного определения характера государственного строя феодальной Польши конца XIV в., так как она не учитывает, что в этот период складываются элементы основ сословно-представительной монархии, окончательное оформление которой в специфической для Польши форме произойдет во II половине XV в.

Не отвечает также на поставленный нами вопрос и определение известного историка права ПНР Ю. Бардаха, который считает, что Польское государство указанного периода было единым, хотя еще и не централизованным.⁵¹

В результате создавшейся расстановки классовых сил в Польском государстве XIV в. королевская власть была вынуждена содействовать укреплению политических позиций шляхты и приравнивать ее в правовом отношении к магнатам. Средние и мелкие феодалы в результате Кошицкого и последующих привилеев, получив значительные права, были выведены на арену политической жизни страны как серьезная и растущая политическая сила. После этого шляхта стала принимать более активное участие в государственной жизни страны. Однако руководящее значение оставалось в это время еще за можновладцами.

Укрепление в этот период политических позиций основной массы феодалов — шляхты — явилось основой польской сословной монархии. В частности, в связи с возросшим значением шляхты в последней четверти XIV в. стали прочно входить в жизнь Польского государства совместные съезды прелатов и магнатов с рыцарством по поводу важнейших государственных дел. Эти совместные съезды феодалов явились конкретным выражением процесса складывания основ сословно-представительной монархии в Польше.

Если раньше, в предшествующий период, не было никаких общегосударственных съездов, имели место лишь частные локальные веча, на которых феодальная знать (прелаты и бароны) того или иного удела рассматривала местные дела, то теперь, в последней четверти XIV в., мы можем констатировать появление в Польше общегосударственных съездов феодалов, на которых уже решались общие важнейшие вопросы внутренней и внешней жизни страны. В отличие от прежних частных съездов феодальной знати, на которых присутствовали только можновладцы, теперь шляхта — эта основная масса феодалов — стала также привлекаться к решению важнейших государственных вопросов в качестве обязательного и необходимого элемента.⁵²

⁵¹ См.: *Historia państwa i prawa polski do połowy XV w.*, pod redakcją J. Bardacha. Warszawa, 1957, s. 384.

⁵² Такими, например, съездами были Радомский 1382 г., Вислицкий того же 1382 г., съезд 1392 г. и др. Вопрос о генезисе польского сейма будет исследован в следующей, второй, главе данной работы.

Наряду с появлением общегосударственных съездов феодалов в отдельных областях страны возникли так называемые сеймики, превратившиеся вскоре в сословные органы шляхты на местах. Эти сеймики выделились из местного веча, которое продолжало еще существовать в Польше, сохранив к концу XIV в. в основном лишь судебную компетенцию, и стали играть роль собрания не только панов, но и всей шляхты воеводства или отдельной земли для решения различных, сначала местных, дел.

Развитие института сеймиков как сословного органа польского дворянства на местах привело в свою очередь к появлению более или менее организованного представительства шляхты на вальный сейм, на котором делегаты от земских сеймиков составили в дальнейшем отдельную палату сейма.

Что же касается польского сейма конца XIV в., то он представлял собой однопалатное собрание в составе членов королевской рады, послов от воеводств и земель Польши, а также иногда и представителей городов.

Историк права ПНР Войцеховский, объясняя причину возникновения земских сеймиков, писал: «Причиной появления в Польше первых земских сеймиков было долгое бескорольеве после смерти Людовика».⁵³ С таким объяснением согласиться нельзя. Вопрос о земских сеймиках изучен мало не только буржуазными историками права, к тому же освещавшими вопрос односторонне с точки зрения борьбы шляхты с королем (Павинский, Прохазка), но и историками и юристами ПНР и советскими учеными. В частности, это нашло свое отражение в том, что в «Истории Польши» под редакцией В. Д. Королюка, И. С. Миллера и П. Н. Третьякова ничего не говорится о возникновении и развитии земских сеймиков.⁵⁴ Мало содержится данных по этому вопросу и в таком капитальном труде, каким является «История государства и права Польши до половины XV в.» под редакцией Ю. Бардаха.⁵⁵

Возникновение в Польше земских сеймиков связано с теми изменениями, которые коснулись веча (бывшего удельного съезда феодалов) после объединения страны. Вече как бы разделилось на два органа: вечевой суд и совет феодальной знати (совет панов земли). Вместе с тем рост значения шляхты заставил możновладцев привлечь рыцарей к делам местного управления, в результате чего решения совета панов стали, как правило, предварительно согласовываться со шляхтой. Указанный процесс привел к образованию в конце XIV в. института сеймиков, в состав которых входили не только możновладцы (совет панов), но и вся шляхта данной земли. По мере развития поли-

---

⁵³ Z. Wojciechowski. Państwo polskie wieków średnich. Poznań, 1948, s. 284.

⁵⁴ История Польши, т. I. М., Изд. АН СССР, 1956.

⁵⁵ Historia państwa i prawa polski do połowy XV w.

тической активности шляхты совет панов как обособленный орган сеймика начал исчезать и сеймики окончательно становятся учреждениями всех феодалов отдельных земель, где господствующее положение продолжали пока занимать можновладцы. Однако и шляхта стала теперь принимать непосредственное участие в решении местных дел, причем в сеймиках она видела наиболее эффективные возможности защиты своих сословных интересов и всячески стремилась к расширению их правомочий и компетенций. Решающих успехов добилось рыцарство в середине XV в., когда были приняты знаменитые Нешавские статуты, усилившие политическое значение в стране шляхты и наделившие сеймики особыми правомочиями, но об этом речь будет идти ниже.

Причиной возникновения сеймиков в условиях слабой центральной власти явилась также необходимость создания местных органов власти в масштабе отдельных земель для подавления локальных в то время еще выступлений польского крестьянства и для дальнейшего его закрепощения.

Польские и русские буржуазные историки, говоря о земских сеймиках и их деятельности, совершенно не затрагивали вопроса о значении этих органов власти земских феодалов как орудия подавления и закрепощения польского крестьянства.

Такая позиция буржуазных историков станет ясной, если вспомнить, что в своих исследованиях о средневековой истории польского государства и права они исходили из отрицания классовой борьбы между дворянством и крестьянами, отрицали тяжелое положение польского крестьянства, его угнетенное и закрепощенное состояние в XIV—XV вв. Так, Кутшеба считал, что «низшие классы не могли и не умели сопротивляться»,⁵⁶ а Бобжинский, отрицая борьбу крестьян с феодалами, считал ее для XIV—XV вв. просто невозможной, так как в этот период, по его утверждению, польский «крестьянин, освобожденный от повинностей военной службы, барствовал».⁵⁷

Однако эта идилическая картина правового положения крестьян, нарисованная буржуазными историками, была далека от действительности. Как уже указывалось, польские крестьяне несли многочисленные повинности феодалам, платили десятину католической церкви, целиком зависели от произвола своих господ.

Польское крестьянство не оставалось пассивным к ухудшению своего экономического положения и росту закрепощения.

Усиление борьбы польского крестьянства против феодального гнета, роста эксплуатации и закрепощения в конце XIV в., выступление крестьян в локальных масштабах отдельных земель при наличии слабой центральной власти, стремление феодалов

---

⁵⁶ С. Кутшеба, ук. соч., стр. 60.

⁵⁷ М. Бобжинский. Очерк истории Польши, т. I. СПб, 1888, стр. 68.

к дальнейшему закреплению крестьянства поставило перед господствующим классом задачу создания сильных органов управления на местах. Одной из важнейших функций сеймиков было подавление выступления польского крестьянства и его дальнейшее закрепощение.

Содержание записей земского права, произведенных на Ленчицком сеймике 1419 г., говорит о стремлении правящего в стране класса феодалов окончательно закрепостить польское крестьянство, прикрепляя его к земле, ограничивая возможность ухода,⁵⁸ говорит о сопротивлении крестьянства, выразившемся в конкретных формах борьбы — ранении или убийстве кметем феодала,⁵⁹ бегстве от феодального гнета⁶⁰ и т. д. Выступая как орудие угнетения и подавления польского крестьянства, земские сеймики одновременно сыграли известную роль в развитии сепаратизма отдельных польских земель и ослаблении в стране королевской власти и органов центрального управления.

Для феодалов характерно стремление в рамках объединенной Польши добиться возможно большей независимости от центральной власти, сохранить и увеличить свои старые феодальные вольности не только путем получения новых королевских привилегий, но и путем увеличения власти земских сеймиков.

Так, в 1399 г. в Серадзской земле происходила «великая рада или съезд, на котором присутствовала вся шляхта».⁶¹ На этом сеймике было постановлено, чтобы каждый шляхтич получил с каждого своего кметя полгроша и собранные деньги сдал в земский скарб.

Мы видим в данном факте совершенно самостоятельные, помимо короля собираемые налоги, которые идут уже не в королевскую, а в земскую казну.

Сеймики имелись во всех воеводствах и землях, руководство ими осуществлялось воеводами, а там, где их не было, эти функции осуществлялись каштелянами или другими высшими земскими сановниками.

О значимости земских сеймиков говорят, например, события 1404 г.

Когда в 1404 г. был заключен мир с Тевтонским орденом, немцы согласились уступить Польше за 40 000 злотых Добжинскую землю, входившую ранее в состав польского государства, но заложенную князем этой земли Владиславом Опольским Ордену.

Так как королевская казна денег не имела, то были созданы сеймики, на которых шляхта по просьбе короля постановила уплатить налог со своих земель для выкупа Добжинской земли.⁶²

⁵⁸ J. V. Bandtkie, ук. соч., стр. 197.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ A. Pawiński. Sejmiki ziemskie. Warszawa, 1895 (Dodatki, XXXVII).

⁶² J. Długosz, ук. соч., стр. 525.

После получения согласия сеймиков в Новом Корчине был созван вальный сейм, на котором с согласия прелатов, панов и рыцарства было постановлено для выкупа Добжинской земли с каждого лана уплатить королю по 12 грошей, считая в том числе обычные два гроша, уплачиваемые в королевскую казну.⁶³

Характерно, что этот налог собирался не королевскими чиновниками, а сборщиками, wybranymi местными феодалами. В специальном обращении Ягайло говорилось, что кмети должны сдавать подать своим панам, а те сдавали ее выбранным ими сборщикам. Лишь после этого собранные деньги попадали в руки так называемых коллекторов, назначенных Ягайло.⁶⁴ Таким образом, рост компетенции сеймиков привел к образованию особой земской администрации в виде, например, сборщиков внеочередных налогов.

Следовательно, от земских сеймиков зависело согласие на внеочередные налоги.

Показателем неполноты и незавершенности централизации Польского государства в конце XIV—начале XV вв. служит то, что наряду с единым для всей страны судебником, каким был Полный свод статутів Казимира III, в отдельных землях продолжало действовать земское обычное право.

Но это земское право не было фиксированным, что приводило ко многим злоупотреблениям при рассмотрении конкретных судебных дел. Поэтому земские сеймики стали заниматься своей собственной законодательной деятельностью и кодификацией, составляя сборники местного обычного права.

До нас дошел, например, свод законов земли Ленчицкой, принятый на сеймике в начале XV в.⁶⁵ На нем присутствовали паны и рыцари. Принятие решения зависело не только от местного можновладства, руководившего сеймиком, но и от рыцарства, которое принимало деятельное участие в записи местного обычного права. В ст. 24 сборника, принятого на указанном сеймике, мы читаем: «И вся земля согласилась».⁶⁶ В ст. 20 говорится: «Итак постановляем с согласия земян (шляхты)».⁶⁷

Нельзя сказать, однако, что правовая деятельность сеймиков протекала вовсе без контроля королевской власти.

В той же записи земского права земли Ленчицкой читаем, что запись была произведена «с согласия господина Шафранца, старосты, а также с согласия Владислава, короля Польши».⁶⁸

Помимо законодательной деятельности, земские сеймики пытаются взять в свои руки также право назначения местных должностных лиц. Так, в 1406 г. в связи со смертью Ленчицкого

⁶³ Там же.

⁶⁴ A. Pawiński, ук. соч., стр. 5.

⁶⁵ J. V. Wandtkie, ук. соч., стр. 194.

⁶⁶ Там же, стр. 196.

⁶⁷ Там же, стр. 195.

⁶⁸ Там же, стр. 196.

подсудка возникла необходимость назначить нового. Городской староста Шафранц и шляхта земли Ленчицкой собрались на сеймик и выбрали нового подсудка.⁶⁹

Таким образом, фактически в компетенцию земских сеймиков стало входить также право назначения на ряд земских должностей. Сеймики занимаются не только делами местного самоуправления, но выступают также как органы светских феодалов в их спорах с церковью. Паны и рыцари использовали, в частности, сеймики для борьбы против вмешательства церкви в светское судопроизводство, упорядочения выплаты церковной десятины.

Так, в 1406 г. Петрковский провинциальный сейм, на котором были представлены сеймики в лице панов и рыцарей, а духовенство и король отсутствовали, принял следующее постановление по вопросу уплаты церковной десятины и судопроизводства: «Затем, принимая во внимание, что согласно естественному праву шляхетство взяло начало из вольности и, наоборот, вольность из шляхетства, поэтому постановляем, что каждый шляхтич десятину давал там, где ему удобнее. Если же духовенство будет противиться, то разбирать будем на земском суде. Если же (духовник) клятву наложит, то шляхтич может жаловаться на него в земский суд, как на насильника наших прав и статутов».⁷⁰

Это решение было конкретизировано на сейме в Петркове в следующем, 1407 г., на котором присутствовала шляхта всех польских земель. Одно из решений сейма гласило, что каждая земля выберет четырех шляхтичей, к которым обиженные духовенством будут приходить за помощью и защитой.⁷¹

Таким образом, для земских сеймиков I четверти XV в. характерно стремление взять в свои руки всю полноту власти в земле.

Сеймики польских земель занимались не только законодательством, но и судебной деятельностью, отгеснив на второй план судебные веча. Та компетенция в области судебных прав, которая раньше была у судебных веч, перешла теперь к сеймикам. Они стали высшей судебной инстанцией в землях, тогда как веча потеряли свое былое значение, тем более что все лица, входившие в состав судебного веча, входили также в состав земского сеймика.

Таким образом, земские сеймики, выступая как органы дворянства на местах для подавления и угнетения польского крестьянства, стремились также и к расширению прав земских органов власти и управления.

Однако если по отношению к крестьянам польские феодалы, паны и рыцари, участвующие в работе сеймиков, выступают

---

⁶⁹ А. Р а w i ń s k i, ук. соч., стр. 3.

⁷⁰ Н е с к. Polska w okresie monarchii Stanowej. Warszawa, 1955, s. 76.

⁷¹ А. Р а w i ń s k i, ук. соч., стр. 24.

как единый класс крепостников, то вместе с тем рыцарство стремится не допустить чрезмерного усиления в стране можновладства и в начале XV в. выступает за известное ограничение засиления в стране магнатов.

Причина этого станет ясна, если вспомнить, что привилей, данные польскими королями Людовиком и Ягайло, были направлены в первую очередь для удовлетворения интересов можновладства.

Поэтому с течением времени польское рыцарство начинает выступать со своими требованиями, направленными к ограничению власти польского можновладства. Так было в 1422 г., когда созванное на войну великопольское рыцарство, вместо того чтобы выступить против Тевтонского ордена, с которым в это время воевала Польша, потребовало от короля специального привилея.

Во время переговоров с королем рыцарство заявило Ягайло о своих обидах и потребовало гарантии прав, в результате чего на свет появился очередной так называемый Червинский привилей.

Известный польский историк права Р. Губе считал, что Червинский привилей 1422 г. был издан исключительно в интересах прелатов и баронов.⁷² Противоположного мнения придерживался Прохазка, писавший, что Червинский привилей «может послужить нам... как проявление стремлений рыцарства».⁷³ К мнению Прохазки присоединяется Шегаловский, считавший, что этот документ был направлен против баронов.⁷⁴

На наш взгляд, Червинский привилей свидетельствовал о дальнейшем росте вольностей всех польских феодалов, хотя некоторые его положения учитывали интересы преимущественно шляхты.

Постановление о том, что ни у кого не может быть конфисковано имение, кроме как по суду,⁷⁵ т. е. гарантия имущественной неприкосновенности, обещание короля не чеканить новой монеты без согласия феодалов были выгодны как можновладцам, так и шляхте.

Постановление привилея о том, что нельзя в одних руках сосредоточивать должности земского судьи и старосты говорит о попытках польского рыцарства ограничить судебный произвол можновладства.⁷⁶

Этой же цели служит постановление Червинского привилея о том, что не будет чрезвычайных судов и несправедливых су-

⁷² R. H u b e. Statuta nieszawskie z roku 1454. Warszawa, 1815, s. 14.

⁷³ A. P r o c h a s k a. Geneza i rozwój parlamentarizmu za pierwszych Jagiellonow. Kraków, 1898, s. 169.

⁷⁴ S z e g a ł o w s k i. Wzrost państwa polskiego w XV—XVI w. Lwów, 1904, s. 105.

⁷⁵ J. V. B a n d t k i e, ук. соч., стр. 222.

⁷⁶ Там же.

дебных пошлин. Дело в том, что сидящие в судах паны зачастую выносили решения не в пользу рыцаря и налагали на него большие судебные пошлины, так что рыцарь часто не мог подать жалобу в суд, не имея возможности уплатить большой пошлины. Теперь же шляхте гарантировалось, что ее не будут принуждать к уплате лишнего судебного пошлин и будут судить только по статутам Казимира III.⁷⁷

Отсутствие поддержки городов, зависимость короля от можновладства, в руки которого при Ягайло перешла еще большая власть по управлению государством, обусловили то, что в 1423 г. собравшиеся в Варте магнаты без короля утвердили ряд постановлений, направленных на дальнейшее ограничение королевской власти, закрепощение крестьян и укрепление в стране своего олигархического правления, получивших название Вартского статута.

Вартский статут содержит ряд статей, которых не было ни в Червинском, ни в предыдущих привилеях.

В статуте 1423 г. можновладство добилось дальнейшего ослабления королевской власти путем ограничения судебных прав королевских старост. Согласно ст. 17, староста мог теперь судить лишь в четырех случаях: насилия над женщиной, грабежа, поджога и нападения на дом.⁷⁸ Иначе говоря, королевские старосты теряли значительную долю своей судебной власти, которая перешла к органам земского правосудия. Содержание Вартского статута свидетельствует также и о продолжавшемся закрепощении польского крестьянства. Ст. 24 говорит об имевшем место бегстве крестьян от феодального гнета и ограничении права их перехода от своих господ.⁷⁹

В связи с увеличением спроса на зерно в городах Польши и в странах Западной Европы польские феодалы стали создавать крупные фольварочные хозяйства. Господский фольварк в XV в. рос за счет сгона крестьян и присоединения их земель к господской запашке, за счет использования пустошей и общинных земель.⁸⁰

Кроме того, польские феодалы стремятся увеличить свою запашку путем ликвидации солтысского землевладения.⁸¹ Поэтому не случайно ст. 25 Вартского статута говорит о том, что феодалы могут выкупить солтыства, присвоить себе земли «солтыса — бунтовщика». Появление этой статьи было вызвано

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ A. Helcel. Starodawne prawa polskiego pomniki, t. I. Kraków, 1856, s. 319.

⁷⁹ Там же, S. 322.

⁸⁰ См.: История Польши, т. I. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 158.

⁸¹ Солтысы — посредники-осадчики из числа наиболее зажиточных крестьян и мещан появились в Польше еще в XIII в. и встали во главе новых поселений и польских деревень, переведенных на так называемое немецкое право. В XIV в. солтысы, ведя фольварочное хозяйство, стали получать значительные доходы, нередко превышающие поступления со шляхетских поместий.

тем, что перестройка феодального хозяйства, когда вместо чиншей, определенный процент с которых шел в пользу солтыса, вводилась барщина на шляхетском фольварке, была не в интересах солтысов.⁸² Очевидно, они препятствовали введению новых порядков, отсюда понятным становится и термин «солтыса — бунтаря».

Если раньше феодалы эксплуатировали крестьян главным образом путем оброков, то теперь наблюдающийся рост барщинного хозяйства неминуемо вел к дальнейшему усилению эксплуатации крестьянства. Спасаясь от гнета, крестьяне уходили с насиженных мест, бежали в города, а отсюда и постановление Вартского сейма об ограничениях перехода крестьян.

Небезынтересна ст. 32 Вартского статута, которая говорит о первых попытках феодалов ограничения прав городского самоуправления. Если ранее городское управление само устанавливало цены на сельскохозяйственные товары, привозимые для продажи в город, то теперь это право у старосты городских цехов было отнято и передано в руки земских феодалов, воевод и старост.

Вартский статут говорит о дальнейшем росте власти и независимости феодалов в Польше. Не удовлетворяясь постановлениями, ограничивающими королевскую власть, польское дворянство повело интенсивное наступление на землевладения крестьян и солтысов, усилило барщину, а также предприняло первые шаги к ограничению городского самоуправления.

§ 5. Рост антифеодального движения польских крестьян. Гуситское движение в Польше. Едлинско-Краковский привилей

В Польше со II половины XIV в. наблюдался процесс роста фольварочных феодальных хозяйств, что привело к увеличению отработочных повинностей крестьян, ибо расширение господской запашки требовало все больших рабочих рук. Это значительно ухудшало положение польских крестьян и вело к дальнейшему усилению крепостнической эксплуатации непосредственных производителей. Крестьянство не сносило безропотно усиление феодального гнета, а боролось с ним, выражая свой классовый протест в различных формах, например в бегстве, поджогах, убийствах феодалов и т. д. Однако самой распространенной формой проявления классового протеста против феодального гнета в рассматриваемый период было бегство крестьян от своих господ.⁸³ Только массовым бегством кметей от феодалов можно объяснить

---

⁸² См.: История Польши, т. I, стр. 165; K. Dobrowolski. W sprawie skupu sołectw w XV i XVI w. КН. 1924, XXXVIII, s. 12—14.

⁸³ О классовой борьбе польских крестьян в XIV в. см. кн.: Л. В. Разумовская. Очерки по истории польских крестьян. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 335—343.

появление статей XIX и CXXXIV Полного свода статутах Казимира III, запретивших фактически «выход» польских крестьян из деревни и предусмотревших санкции против беглых.

Живейший отклик в Польше нашло известное гуситское движение, начавшееся в Чехии в 1419 г. Гуситство представляло собой антифеодальное крестьянское движение, особенно радикальными были лозунги таборитов, левого крыла движения; именно эти обличающие, антифеодальные лозунги привлекали и звали на борьбу польских крестьян и городской плебс. Борьба крестьян и плебса против церкви была тесно связана с выступлением против феодального гнета и всей феодальной системы в целом.

Немало польских крестьян и городских бедняков приняли непосредственное участие в крестьянской войне в Чехии.

В борьбе с распространением в Польше идей гусизма и движением непосредственных производителей выступили объединенные силы феодального государства и церкви. Велунским эдиктом 1424 г. королевская администрация обязывалась помогать польскому клиру в ликвидации ереси. В эдикте говорилось: «Постановляем, что если кто в нашем Польском королевстве окажется еретиком или подозреваемым в ереси... то должен быть схвачен нашими старостами, советниками городов и другими чиновниками».⁸⁴

Конечно, эти и другие меры не могли приостановить начавшегося в Польше крестьянского движения, так как не были устранены причины, порождающие его: все усиливавшееся закрепощение польского крестьянства, увеличение барщины, неограниченный судебный произвол феодала, ухудшение и без того невыносимого экономического положения непосредственных производителей.

Страх перед распространением в Польше гусизма и ростом движения народных масс укрепил союз духовных и светских магнатов, установивших в Польше режим олигархического правления и добившихся в 1430 г. от короля издания нового Едлинского привилея, подтвержденного затем в 1433 г. в Кракове.

Привилей 1433 г. был предназначен для удовлетворения интересов всего польского можновладства, духовного и светского. В этом отношении он отличается от Кошицкого, Корчинского, Петрковского привилеев, распространявшихся только на светских феодалов.

Королевская власть, подтвердив в привилее 1433 г. все прежние права и вольности прелатов, магнатов и шляхты, устанавливала также, что ни один феодал не может быть подвергнут уголовной репрессии без судебного рассмотрения: «Мы никого не заключим в тюрьму, если он не будет уличен по закону».⁸⁵

---

⁸⁴ Volumina legum, t. 1. Petersburg, 1859, s. 38.

⁸⁵ J. V. Bandkiewicz, укр. соч., стр. 230.

Небезынтересна та часть постановления привилея 1433 г., в которой Ягайло обязуется не упразднить существующие в стране духовные и светские должности и связанные с ними доходы не уменьшать.⁸⁶

Дело в том, что в 1404 г. Ягайло сделал попытку ликвидировать некоторые из ставших архаичными должностей, которые потеряли всякое значение после объединения Польши (например, местные канцлеры), но были выгодны феодалам, так как являлись синекурой и давали большой доход. Поэтому можновладство, заинтересованное в сохранении за собой доходов, связанных с этими должностями, добилось от Ягайло обязательства не упразднить должностей и связанных с ними доходов.

После смерти Ягайло польский престол перешел к его малолетнему сыну Владиславу III. Во внутренней политике этот период характеризуется установлением в стране безраздельного олигархического господства духовного и светского можновладства, отстранением от участия в политической жизни страны средних и мелких феодалов и еще большим ухудшением положения крестьян.

В связи с наличием опасности турецкого нашествия была заключена снова Польско-Венгерская уния. Владислав занял венгерский престол и тем самым соединил личной унией Польшу с Венгрией.

Правящая олигархия в Польше, стремясь сохранить всю полноту власти в своих руках, старалась не допускать созыва земских сеймиков. Лишь в 1441 г. в связи с предстоящим походом против турок, когда нужно было собрать увеличенное порадльное, были собраны земские сеймики, которые согласились уплатить порадльное по 12 грошей с лана.⁸⁷

Недовольство шляхты засилием в стране можновладства выразилось в том, что когда Владислав в 1443 г. снова попросил денег, земские сеймики ответили ему отказом.⁸⁸

По существу это был отказ шляхты правящей олигархии, так как 18-летний король был лишь простым исполнителем воли прелатов и магнатов. В 1444 г. в битве под Варной Владислав был разбит превосходящими силами турок и сам пал во время сражения. В этой связи К. Маркс писал: «Для Польши и Греческой империи битва при Варне — результат венецианских и папских интриг — была гибельной».⁸⁹

Польско-Венгерская уния оказалась непродолжительной и прекратила свое существование.

После гибели Владислава III королем стал его брат Казимир IV, который, опираясь на шляхту, сумел подорвать власть и безраздельное господство в стране феодальной аристократии. Одна-

⁸⁶ Там же, стр. 226.

⁸⁷ А. Р а в и н с к и, ук. соч., стр. 51.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI. М., Госполитиздат, стр. 200.

ко эта поддержка была куплена ценой новых привилегий в пользу шляхты, что и привело к значительному усилению последней.

Ослабление политических позиций городов в середине XV в. и усиление роли и значения шляхты в жизни страны явилось основной дальнейшего политического процесса развития государственного строя Польши рассматриваемого периода (II половина XIV — I половина XV вв.), то можно сделать вывод, что по форме государственного устройства Польша была единым (унитарным) государством со значительным сохранением остатков былых удельных порядков; по форме правления Польское государство следует рассматривать как своеобразную сословно-представительную монархию, окончательное становление которой в оригинальной для Польши форме произошло во II половине XV в. Особенности и специфике этого процесса и посвящены следующие главы работы.

ГЛАВА II

ГЕНЕЗИС ПОЛЬСКОГО СЕЙМА

Начиная с конца XIV столетия, государственный строй феодальной Польши, по сравнению с другими европейскими странами, отличался некоторой оригинальностью и своеобразием.

В то время как в большинстве государств Европы после периода сословно-представительной монархии укрепился абсолютизм, в Польше с выборной королевской властью, существенно ограниченной вальным сеймом и земскими сеймиками,¹ сложилась и продолжала сохраняться форма правления в виде своеобразной сословно-представительной монархии.

Появление в Польше сословно-представительного органа — сейма имело исключительно большое значение и вызвало серьезные изменения в государственно-правовой надстройке.

Вальный сейм (в составе сената и посольской избы) стал с конца XV в. центральным и решающим органом власти в Польском феодальном государстве. Значение сейма в государственной жизни страны определила и юридически закрепила в 1505 г. так называемая конституция *Nihil Novi* (Ничего нового).

Проблема генезиса польского сейма являлась и является одной из сложных и важных проблем историко-правовой науки.

Русский дореволюционный историк права Н. Кареев, написавший, как уже указывалось, специальную работу, посвященную истории польского сейма, вопрос о генезисе сейма в Польше обошел молчанием, отметив лишь, что он возник в Польском государстве в конце XV—начале XVI вв.²

¹ Вальный, или общегосударственный, сейм представлял собой совокупность высших должностных лиц и собрания послов от отдельных земель Польши.

Земские сеймики в отличие от прежних земских веч — органов власти панов (магнатов, баронов, вельмож) некогда удельных княжеств — в рассматриваемый период уже включали всех местных феодалов — как панов, так и шляхту (рыцарей) отдельной земли.

² См.: Н. Кареев. Исторический очерк польского сейма. М., 1888, стр. 7.

Этому вопросу уделяли большое внимание многие известные буржуазные историки польского права, выдвинувшие ряд различных точек зрения и концепций.

Так, А. Дембовский возникновение в Польше сейма связывает с развитием конфедерации как формы организации сословий; А. Прохазка, занимаясь генезисом и развитием польского парламентаризма I половины XV в., функцию сейма приписывал королевскому совету.

М. Бобжинский связывал суть польского парламентаризма с правом сословий давать разрешение на налоги.

С. Кутшеба давал более широкое толкование основам польского парламентаризма, имея в виду право сословного учреждения рассматривать и решать вопросы о всех привилегиях и иммунитетах в интересах панов и шляхты. По его мнению, началом образования польского сейма следует считать 1493 год, когда появилась в составе сейма так называемая посольская изба, составленная из представителей земских сеймиков, на которых предварительно рассматривались все важнейшие дела.

Эта точка зрения являлась и является наиболее распространенной в польской историко-правовой науке. Однако она не может нас удовлетворить, так как не учитывает специфики развития государственно-правовых учреждений феодального общества. Это развитие происходило постепенно, путем длительной эволюции, долговременной практики, создававшей многочисленные, прочно вошедшие в жизнь прецеденты.³

Только такая картина эволюционного развития сословно-представительных органов и системы представительства имела место как в Польше, так и в других европейских государствах.

Остановимся на более подробном критическом анализе указанной концепции С. Кутшебы о генезисе польского сейма.

Прежде всего трудно согласиться с тем, что в Польше, где последняя четверть XIV в. и I половина XV столетия были периодом шляхетских привилегий, сейм возник лишь в конце про-

---

³ В основу исследований польских буржуазных историков права был положен формально-юридический, догматический, метод. Описание юридических актов, норм права, учреждения или же сравнение его с аналогичными учреждениями в других странах — это все, чего (как они считали) можно требовать от историко-правовой науки. Отсюда вывод о бесперспективности науки, о ее ограниченных возможностях и т. д. Так, С. Кутшеба заявлял, что исследовательская работа историков права приближается к концу в связи с тем, что предмет исследования якобы вскоре будет исчерпан. (См.: K u t s z e b a. Le développement du parlementarisme au moyen — âge. Bruxelles, 1923; Warszawa, 1924, s. 163—169).

Только на основе диалектического метода можно установить связь происходящих изменений государственного строя и правовых учреждений с существующим в данной исторической действительности экономическим базисом и с соотношением общественных сил, с учетом классовой структуры общества, что открыло широчайшие возможности перед наукой и позволяет, в частности, по-новому осмыслить и решить ряд важных проблем истории государства и права Польши.

должавшегося процесса завоевания шляхтой привилегий; да и вообще это было бы ничем не мотивированным исключением в историческом процессе средневековой Европы, где форма правления в виде сословно-представительной монархии устанавливается в конце XIII—начале XIV вв. Ведь если согласиться с этим утверждением, то выходит, что в Польше, которая сравнительно рано преодолела феодальную раздробленность, процесс формирования сословного представительства отстал примерно на два столетия по сравнению с аналогичным процессом в Западной и Центральной Европе. Для этого не было никаких объективных причин.

Как уже указывалось, название сейма как высшего органа сословного представительства С. Кутшеба и многочисленные его сторонники считали возможным применить лишь к двухпалатному учреждению, появившемуся в 1493 г., сводя тем самым на нет значение и роль более ранних так называемых вальных (т. е. общегосударственных) сеймов (съездов). Такой упрощенческий подход к решению проблемы генезиса сейма не может нас удовлетворить и мы постараемся доказать длительность процесса становления польского парламентаризма, показать то общее и специфичное, что было в развитии сословно-представительного учреждения в Польше по сравнению с эволюцией аналогичных органов в других странах.

Реальные условия для возникновения в Польше общегосударственного сословно-представительного органа появились после ликвидации в стране феодальной раздробленности и объединения в начале XIV в. Польского государства. Объединение страны, переход к сословной монархии, властью своей охватывающей большинство польских земель, были тесно связаны с экономическим развитием Польши, вызвавшим необходимость централизации государства. Развитие производительных сил Польши, рост городов и ремесла, развитие торговли и торговых связей между отдельными польскими землями, рост товарно-денежного оборота — все это требовало ликвидации экономической и политической изолированности польских земель друг от друга. Воссоединение государства повлекло за собою создание центральных органов власти и управления. Наряду с королевской властью в лице монарха стал функционировать королевский совет (*consilium domini regis*) как постоянно действующий государственный орган, обладающий значительной компетенцией. Состав королевского совета (из представителей светской и духовной знати) обеспечивал руководящую роль możновладцев (магнатов и прелатов) в решении государственных дел.

Некоторые польские буржуазные историки права (например, А. Прохазка) считали королевский совет органом, заложившим якобы основу сословно-представительного учреждения в Польше.

Это объяснение генезиса польского сейма неверно. Начало будущего сейма следует видеть в появлении общегосударствен-

ных, так называемых вальных, и провинциальных съездов, которые стали решать вопросы, выносимые на рассмотрение королем и его советом.⁴ После ликвидации феодальной раздробленности и объединения государства решение важнейших внешнеполитических и внутренних дел страны перешло в руки общегосударственных съездов, в то время как местные дела рассматривались земскими сеймиками,⁵ функционировавшими в каждом воеводстве (земле).

В конце XIV в. в работе общегосударственных съездов наряду с магнатами и прелатами стали принимать участие не только представители шляхты, но также городов, а иногда и капитулов (духовенства). С этого времени общегосударственные съезды приобрели в Польше характер сословного учреждения, называемого в источниках вальным, или великим, сеймом. Так, в 1382 г. для обсуждения великим сеймом вопроса о престолонаследии в Радом съехались «все паны и рыцарство всех общин Великой Польши и общин Краковской и Сандомирской земель».⁶

Исходя из данных источников, в составе вального сейма можно выделить представителей трех слоев населения.

Первую группу составляла феодальная знать (духовная и светская), высшие сановники, входившие в состав королевского совета.⁷ Вторую группу в вальном сейме составляла более второстепенная категория чиновничества из числа земских должностных лиц. Наконец, третью и более многочисленную группу в сейме составляла шляхта, не занимавшая должностей, а также представители городов и капитулов.

Определенных норм представительства не было введено, поэтому количество лиц в вальном сейме от третьей группы менялось от случая к случаю. В качестве примера можно привести состав двух сеймов: вального сейма, собравшегося в январе 1435 г., на котором присутствовали «королевские советники, каштеляны, земская знать и представители всей общины королевств-

---

⁴ Историк права ПНР В. Кнопек, говоря о вальном сейме, отмечал, что «типичным съездом был такой съезд вальный, на котором присутствовали королевский совет, а также значительное число представителей шляхты» (см.: W. K n o p p e k. Związki w układzie sił politycznych w Polsce w dwugiej połowie XV w i ich Związek z genezą, dwuizbowego sejmu, «Czasopismo Prawno — Historyczne». Т. VII, 2, 1955, s. 77).

Однако эволюцию польского парламента В. Кнопек рассматривал в отрыве от изменений, происходивших в общественном строе, в частности, он не учитывал те изменения, которые имели место внутри господствующего класса феодалов. В то время как все более отчетливое деление господствующего класса на панов и шляхту, состоявшую из многочисленных слоев среднего и мелкого дворянства, заметно влияло на процесс формирования сословно-представительных учреждений в Польше.

⁵ Вопрос о земских сеймиках рассмотрен нами выше на стр. 24 и сл.

⁶ См.: J. V. B a n d t k i e. Jus Polonicum. Varsaviae, 1831, s. 187.

⁷ Подобным же образом в Русском государстве в состав Земского собора входила боярская дума; в Литве в состав сейма включался целиком великокняжеский совет.

ва Польского»,⁸ и вального сейма, созванного в декабре того же 1435 г., на котором, кроме можновладцев, присутствовало много низших должностных лиц, в частности таких, как стольники, войские, кравчие, подчашии, подсудки, а также персонально приглашенных 20 шляхтичей и представителей городов (*proceres civitatum* — городской знати).⁹

Кроме того, следует отметить, что иногда на вальные сеймы являлась как бы вся шляхта, которая, не принимая непосредственного участия в работе сейма, но бурно реагируя в связи обсуждаемыми вопросами, практически стала оказывать заметное давление на можновладцев, вынужденных подчас считаться с ее мнением.¹⁰

Особенно эффективным это воздействие шляхетской массы на работу вального сейма имело место тогда, когда сейм проводился в непосредственной близости от собранного посполитого рушения, т. е. войска, состоящего преимущественно из шляхты. Так, например, было в Червинске в 1422 г.¹¹ и в Нешаве в 1454 г.¹²

Источники говорят о фактах столкновений в начале XV в. между *communitas* (шляхетской общиной) и *domini dignitarii* (королевскими сановниками) на заседаниях земских сеймиков.

Аналогичные столкновения имели место, конечно, и на вальных сеймах, но, как известно, до половины XV в. руководящая роль в Польском государстве, а следовательно и преобладание на сейме, были за можновладцами.

Значительную трудность в изучении генезиса польского парламентаризма вызывает то обстоятельство, что важный источник для изучения истории государства и права Польши XV в. — «История Польши», — написанная Яном Длугошем в виде хроники, весьма бегло и вскользь упоминает о политической активности шляхты и особенно тогда, когда речь должна была идти о проявлении этой активности в работе вального сейма и земских сеймиков.¹³ Это объясняется тем, что Длугош являлся сто-

---

⁸ См.: E. Maleczyńska. Społeczeństwo polskie pierwszej połowy XV w. wobec Zagadnień zachoduich. Studia nad dywastyczną polityką Jagiellonów. Wyrzław, 1947, s. 137.

⁹ Ссылка дана по кн.: Pamiętnik VIII zjazdu historyków polskich w. Krakowie. Warszawa, 1958, s. 527—528.

¹⁰ О красочной картине работы вального сейма в XV в. можно прочитать, например, у Длугоша, Семеновского и других польских историков права.

¹¹ О Червинском привилее уже говорилось на стр. 29 и сл.

¹² См.: St. Roman. Przewileje Nieszawskie. Wrocław, 1957, s. 5—7.

¹³ На этот факт обращалось уже внимание в польской историко-правовой литературе. Так, например, М. Бобжинский и С. Смолька писали: «Длугош недоброжелательным оком взирал на порывы шляхты к политической жизни и поэтому не имел охоты подробнее о ней распространяться» (М. Bobrzyński i S. Smolka. Jan Długosz, jego życie i stanowisko w piśmiennictwie. Kraków, 1893, s. 189).

ронником польской знати и, в частности, явно симпатизировал церковной верхушке — прелатам, в острые столкновения с которой в борьбе за привилегии неоднократно вступала шляхта.

Так Длугош, говоря о сейме 1430 г. в Едлине, определял его как «*consilium rgalatorum et baronum Poloniae*» (совет знатнейших и баронов Польши). Однако из текста принятого на нем привилея¹⁴ явствует, что на нем присутствовала также и шляхта. Сам же съезд называется в привилее *generale parlamentum seu conventio* (всеобщий парламент, или собрание). Поэтому не подлежит сомнению, что в данном случае имел место вальный сейм.

Определяя структуру вального сейма конца XIV—I половины XV вв., следует указать на его однопалатный характер. Его состав, за исключением группы магнатов и прелатов, входивших в королевский совет, не был точно фиксирован ни практикой, ни тем более законом.

Соответствующие правовые нормы, появившиеся в дальнейшем, могли тогда еще только намечаться путем прецедента.

Весьма характерным для периода раннего польского парламентаризма было одновременное функционирование в государстве не только вального сейма и земских сеймиков, но наряду с ними и так называемых провинциальных сеймов.

Провинциальные сеймы, наиболее значимыми из которых были Великопольский и Малопольский, назывались в источниках также генеральными (*conventiones generales* — генеральные собрания) в отличие от земских сеймиков, называемых местными, земскими собраниями (*conventiones particulares, conventiones terrestres*). Как в вальном сейме, так и в провинциальных сеймах и земских сеймиках ведущую роль играла до середины XV в. сановная знать, обособленная на сеймиках даже организационно и получившая в документах название *conventio dimi-pogum generalis* (генеральный совет властителей).¹⁵

Эта сложная система функционирования вального сейма, провинциальных сеймов и земских сеймиков и составляет специфическую особенность польских внутригосударственных отношений рассматриваемого периода, специфику процесса формирования польского феодального парламентаризма.

Каковы же причины этого оригинального явления в истории Польского феодального государства?

Это оказалось возможным в условиях значительно сохранившейся обособленности двух основных польских земель: Малой и Великой Польши, где имелись существенные различия в соотношении социальных сил. Если в Малой Польше явное преобла-

---

¹⁴ См.: J. V. Bandtkie, ук. соч., стр. 224—234.

¹⁵ Ссылка дана по кн.: *Pamiętnik VIII zjazdu historyków polskich w Krakowie*, s. 529.

дание было за możновладцами, т. е. баронами и прелатами, то в Великой все более росло влияние шляхты.¹⁶

Кроме того, в стране и после объединения продолжали сохраняться оказавшиеся весьма живучими многие остатки феодальной раздробленности, остатки былых удельных порядков, что также не могло не сказаться на элементах сепаратизма отдельных земель.

Все это создавало благоприятную почву для одновременного существования и функционирования указанных видов сословных учреждений.

Вместе с тем следует также отметить появившуюся в дальнейшем симпатию польских королей к провинциальным сеймам и сеймикам, так как на них они имели дело со съездом феодалов только одной провинции (на провинциальном или генеральном сейме) или земства (на земском сеймике), где король легче мог рассчитывать на реализацию своих предложений, а затем использовать конкретный прецедент при рассмотрении аналогичных вопросов другими сеймами.

В то же время провинциальный сейм и земские сеймики обеспечивали возможность более широкого и эффективного представительства шляхты, ослабляя тем самым możновладцев, крупнейших государственных сановников, баронов и прелатов.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что możновладцы в свою очередь предпочтению отдавали вальному сейму, где члены королевского совета задавали тон и играли руководящую роль.

Теперь мы можем объяснить кажущиеся на первый взгляд весьма странными явления в государственном строе Польши, заключающиеся в том, что с конца XIV в., когда реальная власть в стране после смерти Казимира Великого — последнего представителя династии Пястов — переходит фактически в руки олигархии малопольских магнатов и тенденции к централизации государства слабеют, активизируется деятельность вального сейма, который в I половине XV в. созывается почти ежегодно.

Напротив, в дальнейшее время, с середины XV в., когда складывается в стране ситуация несколько более благоприятная в пользу централизации государства, польский король Казимир IV Ягеллончик, стремясь усилить королевскую власть, все чаще обращается по различным вопросам к сеймикам, избегая по возможности иметь дело с зависимым от крупных сановников вальным сеймом.

Правда, аналогичную картину мы видим и в некоторых других странах. Так, например, во Франции короли также отдавали предпочтение провинциальным штатам, избегая созыва Генеральных штатов.

Следует указать, что значение вального сейма возросло в связи с проводимой «элекцией» королей, которую стал осущест-

---

¹⁶ Имеется в виду средняя шляхта.

влять в Польше высший сословный орган после смерти Казимира III.¹⁷

Что же касается компетенции вального сейма в целом, то на рассматриваемом этапе его развития (т. е. до половины XV в.) ответить на этот вопрос возможно лишь на основе анализа практической деятельности сейма.

Пределы компетенции вального сейма определялись прежде всего той конкретной ситуацией, которая складывалась в государстве в зависимости от внутреннего и внешнеполитического положения страны, столкновения интересов короля и королевского совета, их заинтересованности в поддержке со стороны шляхты, потребности в денежных средствах на военные нужды или иные расходы, политики классового подавления непосредственных производителей и т. д. Решение налоговых вопросов, вопроса о дополнительных обложениях и субсидиях занимало видное место в деятельности сейма.

Еще в 1374 г. согласно Кошицкому привилею все шляхетское сословие (так же, как ранее магнаты) было фактически освобождено от уплаты налогов в пользу казны.¹⁸ Вскоре после этого в 1381 г. действие этого постановления было распространено и на духовенство.¹⁹

Городское население на основании так называемых локационных грамот обязано было платить твердо установленные налоги и выполнять определенные повинности.

Поэтому в случае финансовых затруднений короли обязаны были просить согласия на право вводить дополнительные налоги. Получение такого согласия было связано с созывом наделенных привилегированными правами лиц, а в дальнейшем их представителей.

Как уже указывалось, мы никак не можем согласиться со

---

¹⁷ При этом следует иметь в виду, что в Польше со времени возникновения государства и до 1370 г. (когда умер Казимир III) великокняжеский и королевский трон занимала династия Пястов; затем в течение почти 200 лет на польском престоле находилась династия Ягеллонов, которая прекратилась после смерти в 1572 г. короля Сигизмунда-Августа.

Вот тогда-то и произошла фактически первая в истории Польского государства так называемая «вольная элекция», когда феодалам предстояло выбрать короля из числа конкурирующих между собой претендентов. А до этого об избирательности королей в Польше можно говорить лишь условно, так как по существу трон переходил, как правило, по наследству к представителям царствующей династии. Правда, при решении вопроса о престолонаследии можновладцам и шляхте удавалось приумножить свои привилегии и вольности.

Ведь не случайно, на наш взгляд, польские феодалы потребовали от нового короля Генриха Валуа, избранного на престол в 1573 г., отречения от наследственной власти, что и было зафиксировано в известных «Генриховых артикулах».

¹⁸ См.: J. V. Wandtkie, ук. соч., стр. 185. — Подробнее об этом см.: К. Е. Ливанцев. Кошицкий привилей 1374 г. Вестник ЛГУ, 1966, № 23, стр. 130.

¹⁹ См.: Kronika Jana z Czarnkowa. Warszawa, 1905, s. 66.

сторонниками концепции М. Бобжинского, который становление польского парламентаризма связывает с правом сословий давать разрешение на налоги и субсидии.

Зачатки сословно-представительных учреждений в Польше таились в общей тенденции ограничения королевской власти сословиями. Опираясь в своей политике и деятельности на их поддержку, король вынужден был обращаться за советом и согласием к прелатам и баронам, а также и к шляхте во всех важнейших случаях внутренней и внешнеполитической жизни государства.

Об этом свидетельствует, в частности, то, что вальный сейм преимущественно был занят не налоговыми вопросами (хотя их удельный вес и был значительным в деятельности сейма и сеймиков), а рассмотрением и решением различных государственных дел. Так, например, в I половине XV в. в истории польского государства вальный сейм сыграл большую роль в развитии процессуального и государственного права. В этой связи следует указать прежде всего на Вартский статут 1423 г.²⁰ и Петрковский статут 1447 г. Первый был одобрен «с единодушного согласия сановников, баронов, а также шляхты нашей»²¹ и лишь после этого утвержден королем. Второй был также принят «одобряющими, соглашающимися сановниками, знатнейшими, баронами и шляхтой королевства».²²

Как уже указывалось, до середины XV в. сословно-представительные учреждения находились в Польше под полным контролем możновладцев, которые проводили политику ограничения королевской власти в своих интересах. Это наиболее ярко проявилось в период олигархического правления малопольских феодалов во главе с краковским епископом Збигневом Олесницким в годы несовершеннолетия Владислава III. Об этом времени у Длугоша читаем следующее: «Порядок и свобода в Королевстве основываются не на власти короля, но на власти его советников и знатнейших людей в государстве. И даже когда король подрастет, не уступят ему власти в Королевстве до тех пор, пока он не подтвердит прав и свобод Королевства».²³

Шляхта также была за ограничение королевской власти, но она вовсе не собиралась безропотно мириться с господствующим положением в стране możновладцев. И мы видим, как по мере роста значения шляхты (прежде всего средней) она начинает все более заметно активизироваться. Об этом свидетельствует в частности, оппозиция шляхты в I половине XV в. по отношению

---

²⁰ Так, Вартский статут ограничил судебную власть королевских чиновников — старост, которые согласно ст. 17-й статута могли рассматривать уголовные дела лишь в четырех случаях: насилия над женщиной, грабежа, поджога и нападения на дом (см.: J. V. Bandtkie, ук. соч., стр. 212).

²¹ См.: J. V. Bandtkie, ук. соч., стр. 201.

²² См.: *Archiwum Komisji Pwawniczej PAN*, t. IV, s. 586.

²³ J. Długosz. *Historia Polonicae*, IV. Kraków, 1873—1878, s. 544.

к прелатам — духовной знати. Так на одном из актов Петрковского вального сейма 1407 г. сохранилась надпись: «Документ о выступлении светских лиц против духовных».²⁴

Шляхетская оппозиция по отношению к прелатам (а следовательно и против магнатов — крупнейших сановников, которые в этой борьбе были на стороне церковной верхушки) нашла также выражение в возникших конфедерациях 1438 и 1439 гг.,²⁵ на которые оказало в известной мере влияние гуситское движение, перекинувшееся из Чехии в Польшу.²⁶ Связанная узами конфедерации, шляхта, как бы подчеркивая обособленность своих интересов, выступила с требованием равноправия своих представителей с можновладцами в вальном сейме. Это означало по существу требование иметь в составе сейма свою палату для шляхетских представителей, где они могли бы более эффективно противостоять королевскому совету, находящемуся в руках можновладцев.

На сейме 1453 г. дело дошло до отдельного заседания королевского совета и низших земских чиновников, выразивших интересы шляхты. Так, впервые в истории Польского государства представители шляхты и городов заседали на сейме отдельно от королевского совета, при этом происходило самостоятельное обсуждение вопросов, а затем уже принимались согласованные решения.²⁷

Указанное обособление представителей шляхты (речь идет главным образом о шляхте, так как представительство польских городов в вальном сейме не стало постоянным) явилось серьезным прецедентом в деятельности высшего в стране сословного учреждения и было также выражением серьезной заявки шляхты на политическую самостоятельность от бывшего влияния и засилия можновладцев.

Таким образом, вальный сейм 1453 г. явился прообразом позднейшего двухпалатного сословно-представительного органа, окончательно оформившегося в Польше в конце XV столетия.

Значительных привилегий добилась шляхта в 1454 г., когда были приняты знаменитые Нешавские статуты. Борясь за власть с можновладцами, которые явно доминировали в вальном сейме, шляхте удалось в Нешавских статутах усилить роль и значение земских сеймиков, где шляхетская масса имела преобладание (особенно в Великой Польше) при обсуждении и решении вопросов.

В этой связи особый интерес представляет ст. 18 Цереквиц-

---

²⁴ См.: A. Pvochaska. Recenzja z pvcacy B. Ulanowskiego «Zjazdy Piotrkowskie z 1406 i 1407 i ich uchwały». КН. 1888, II, s. 652.

²⁵ См.: Historia państwa i prawa polski do połowy XV wieku, s. 372.

²⁶ О гуситском движении в Польше см. выше на стр. 32 и сл.

²⁷ См.: Pamiętnik. . ., s. 534.

кого привилея,²⁸ которая гласит следующее: «Итак, чтобы государство в будущем как целое и невредимое управлялось, мы (король) желаем и настоящим постановили, чтобы никакие новые учреждения личными нашими советниками не устанавливались, никакие походы не объявлялись, кроме как собраниями земских общин... , но всякое дело, вновь предложенное, на собраниях земскими общинами прежде рассмотренное, утверждается и одобряется».²⁹

Интересна также и ст. 17, которая отменила пошлины, введенные королем самостоятельно без разрешения вального сейма, признавая тем самым наивысшие права вального сейма в финансовых вопросах.³⁰

Указанные статьи явились, на наш взгляд, выражением компромисса между королем, можновладцами и шляхтой.

Законодательная власть закреплялась Нешавскими статутами по-прежнему за вальным и провинциальными сеймами, но с одной весьма существенной оговоркой: предварительно законопроекты должны были обсуждаться и получить одобрение на земских сеймиках. Как видим, после 1454 г. влияние земских сеймиков на решение важнейших государственных дел значительно усилилось.

Говоря о пределах компетенции земских сеймиков в области законодательной деятельности, следует, по-видимому, согласиться с решением этого вопроса историком права ПНР Ст. Романом, который, исследуя Нешавские статуты, дает широкую трактовку словам *novas institutiones* (новые институты, учреждения), указывая, что в данном случае в статутах речь идет о законодательстве, относящемся к государству в целом.³¹

Однако оценка, данная Ст. Романом Нешавским статутам в целом, представляется, на наш взгляд, неправильной. Он заявляет, что Нешавские статуты не содержали якобы ничего нового, представляя собой лишь подтверждение ранее сложившейся практики как в области законодательной, так и при решении других государственных дел.³²

В небольшой по объему работе нет возможности детально останавливаться на значении Нешавских статут в эволюции общественного и государственного строя Польши рассматриваемого периода. Ясно лишь одно — их значение заключалось в существенном увеличении роли и влияния земских сеймиков в

---

²⁸ Церкевицкий привилей, выданный королем 14 сентября 1454 г. по требованию великопольской шляхты, вошел полностью в состав Нешавских статут, пожалованных королем в ноябре того же 1454 г. рыцарству всех польских земель.

²⁹ См.: St. Roman. *Przywileje niezawskie*, s. 123.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. До Ст. Романа ст. 18 Нешавских статут трактовалась историками права значительно уже, ограничивая тем самым законодательные права польских земских сеймиков рассматриваемого периода.

³² См. там же, стр. 104.

решении государственных дел. А это свидетельствовало о значительных и многообещающих успехах шляхты в их борьбе за власть с можновладством, что не могло не отразиться на дальнейшем развитии в Польше сословно-представительных учреждений. Именно после 1454 г. шляхта приобрела в лице земских сеймиков сословное учреждение с обширными полномочиями, далеко выходящими за пределы своего земства (земли) и имеющими значение в общегосударственном масштабе.³³

Таким образом, после Нешавских статутов шляхта (наряду с панами) также стала играть на сеймиках значительную роль, а в некоторых частях страны (как, например, в Великой Польше) стала иметь решающее влияние.

Исследование генезиса сословно-представительных учреждений в Польше было бы неполным без рассмотрения проблемы представительства.

Система представительства в Польше складывалась постепенно и имеет в отличие от других стран Европы свои специфические особенности.

Первые данные по этому вопросу содержатся в хронике Яна из Чарнкова, который писал, что в 1382 г. на сейме в Вислице были представлены «послы всех земств Королевства Польского».³⁴ Но кого представляли эти послы, устанавливалась ли при этом норма представительства, каковы были их полномочия, источник ничего не говорит. Только с половины XV в. мы располагаем более полными данными о послых сеймиков, направляемых на вальный и провинциальные сеймы, как правило, с инструкциями и наказами от своих доверителей.

Вместе с тем следует отметить, что процесс преобразования всеобщего сословного собрания (съезда феодалов королевства) в представительное сословное учреждение проходил не всегда по восходящей линии, иногда имели место возвраты к старому в виде прежних общегосударственных съездов феодалов.³⁵

Появление в Польше института представителей шляхты, уполномочивших его защищать на сейме свои интересы (вместо

---

³³ Богатейший нормативный материал о деятельности сеймов и сеймиков собран Т. Вежбовским (см.: Т. Wierbowski. Sumariusz Metryki Kowonpej).

³⁴ См.: Kronika Jana, s. 17.

³⁵ Аналогичная картина наблюдалась также в Венгрии, где на смену общегосударственным феодальным съездам пришел в конце XIV в. сейм в составе представителей правящих классов от 72 комитатов (административно-территориальных единиц наподобие земств в Польше). Однако во время заметного ослабления королевской власти в Венгрии (например, период бескоролья 1444 г. после правления в Венгрии Владислава Ягеллончика) имел место возврат от сословно-представительной формы к общегосударственному съезду феодалов. В 1495 г. в Венгрии был принят даже специальный закон, запретивший королю вместо всех феодалов приглашать на сейм представителей комитатов. (См.: F. Eckhart. La diete corporative hongroise, L'organisation corporative du Moyen — Age, t. III. Lowanium. 1939, s. 218 i n.

съездов *virutum* — всех, каждого в отдельности), хотя и было важным этапом в истории развития сословно-представительного учреждения, однако не имеет такого решающего значения, какое придается этому факту историком права ПНР К. Гжебовским, подразделяющим в этой связи историю Польского государства на «допредставительную и представительную формы».³⁶

В данном случае, на наш взгляд, речь может идти лишь о допредставительной и представительной формах созыва сословных учреждений.

Говоря об эволюционном пути развития системы представительства, следует подчеркнуть, что представители правящих классов занимали места в сословных учреждениях по должности, путем жеребьевки, кооптации, назначения органами власти в качестве представителя определенной общественной группы и, наконец, выборным путем.³⁷

Таким образом, как в Польше, так и в большинстве стран Европы переход от сословных феодальных съездов, где каждый, представляя себя как член *communitas* (общины), представляет как бы и эту *communitas*, к сословно-представительным учреждениям, где представители являются выборными, есть длительный и не всегда прямолинейный путь развития.

В системе польских сословных учреждений функционировали, как уже говорилось, и провинциальные сеймы, которые после принятия Нешавских статуты претерпели некоторые изменения. После 1454 г. провинциальные сеймы стали рассматриваться в качестве совокупности нескольких земских сеймиков. При этом шляхта в отличие от прошлых времен (когда она прибывала на провинциальные сеймы *virutum*, т. е. каждый член общины лично) стала посылать своих представителей, избираемых на земских сеймиках. Теперь они стали выступать на провинциальных сеймах как уполномоченные сеймиков и были связаны полученными ими инструкциями.

Иногда выбор делегатов на вальный сейм происходил на заседаниях провинциальных сеймов. Так, например, в 1468 г. на малопольском провинциальном сейме в Вислице от каждого уезда (земства) было избрано по два посла на вальный сейм.³⁸

В истории развития сословно-представительных учреждений в Польше в известной мере представляет интерес 1476 год, когда на вальном сейме произошло объединение послов двух провинциальных сеймов (Малой и Великой Польши), что привело к

³⁶ См.: K. Grzybowski. *Corona Pegni*. «Czas Pr. Hist.», t. IX (2) 1957, s. 324 i p.

³⁷ Представляют известный интерес в этой связи рассуждения бельгийского историка права Жилиссена, который вводит понятия представительства несовершенно и совершенного (как представительства, определяемого путем избрания) (См.: J. Gillissen. *Le régime représentatif avant 1790 en Belgique*. Bruksela, 1952, s. 34 i n.).

³⁸ См.: *Pamiętnik*. . ., s. 540.

фактическому образованию отдельной шляхетской палаты, получившей в дальнейшем название посольской избы.³⁹

До конца XV в. провинциальные сеймы совместно с членами королевского совета (крупными сановниками провинции) в качестве государственного органа, принимающего окончательное решение, играли порой значительную роль в политической жизни страны. Однако с конца XV в. общегосударственный вальный сейм стал бесспорно доминирующим органом в системе польских сословно-представительных учреждений.

Вальный сейм, провинциальные сеймы и сеймики являлись сословными учреждениями, возникшими вследствие развития феодальных производственных отношений, изменений в социальной структуре общества и обострения противоречий как антагонистических классов, так и внутриклассовых среди феодалов. Объединенное Польское государство нуждалось в централизованном управлении. Правящему классу требовался государственный аппарат, который смог бы обеспечить феодалам возможность еще большей эксплуатации и подавления народных масс.

Возникшие центральные органы власти и управления и призваны были охранять классовые интересы феодалов. «Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином».⁴⁰

Исследуя проблему генезиса польского сейма, мы говорили выше о борьбе шляхты с можновладством за влияние в решении государственных дел. Следует, конечно, иметь в виду, что противоречия между этими категориями господствующего класса феодалов были неантагонистическими, их в гораздо большей степени объединяли общие интересы эксплуатации и подавления закрепощенных ими крестьян.⁴¹ Понятно, что в феодальной Польше наиболее ожесточенная борьба происходила между ос-

---

³⁹ Там же. Официально посольская изба как нижняя выборная палата сейма стала функционировать в Польше с 1493 г.

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

⁴¹ Положение польского крестьянства становилось в рассматриваемый период все более тяжелым. Так, Петровский статут 1496 г. фактически запретил крестьянам уходить из деревни без разрешения господина, преследование беглых крестьян их хозяевами не было ограничено ни сроком, ни местом их нахождения, им запрещено было жаловаться на своих господ. Последующие законы I половины XVI в. полностью прикрепляют крестьян к земле и делают их совершенно беззащитными перед своими господами. Закон от 1532 г. окончательно запретил кметям уходить от панов без согласия последних, а закон от 1543 г. запретил выкупать крестьянина у помещика. Власть господ по отношению к своим кметям стала поистине безграничной, вплоть до права необжалуемого суда над ними. В меньшей степени страдали крестьяне в Польше от многочисленных денежных и натуральных поборов и повинностей. Таково было правовое положение польского крестьянина в исследуемый период.

новой массой крестьянства и классом феодалов в целом, являясь следствием развития крепостнических отношений.

Что же касается борьбы шляхты с можновладцами за власть, то достигнутые шляхтой в рассматриваемый период некоторые успехи не могли дать ей пока преобладания в решении государственных дел. Поэтому нельзя согласиться с историком права ПНР В. Кноппеком, который утверждает, что «шляхта овладела... уже около 1470 г. верховным органом законодательной власти — сеймом».⁴²

В указанное В. Кноппеком время исход борьбы за власть отнюдь еще не был предрешен в пользу шляхты. Более того, даже учреждение в конце XV в. в составе вального сейма отдельной посольской избы не означало решающей победы шляхты, а свидетельствовало лишь только об определенном равновесии сил двух категорий господствующего класса феодалов.⁴³

Говоря о 70-х годах XV в., следует еще раз указать на усиление в этот период значения вального сейма, несмотря на противодействие Казимира Ягеллончика, который в целях укрепления королевской власти потратил немало безуспешных усилий для ослабления высшего в стране сословного органа.

О значении вального сейма в жизни страны во II половине XV в. говорит такой источник, как «Мемориал об управлении государством» Яна Остророга (1436—1501 гг.) — крупного политического мыслителя Польши того времени, в учении которого сформулирована теория королевского абсолютизма и, в частности подчинения церкви королевской власти. Так, один из документов этого источника «Исторические акты о вальных сеймах королевства... об управлении государством», говоря о том, «что вскоре должен состояться вальный сейм (*comitia generalia*), на котором прежде всего недостатки управления и плохие обычаи страны будут обсуждаться и устраняться и вместо них хорошие и полезные установлены быть должны, коими управление государством сможет быть улучшено и упрочено»,⁴⁴ явно указывает на ту возросшую роль, которую вальный сейм стал играть в Польше в рассматриваемый период.⁴⁵

О роли сословных учреждений во II половине XV в. говорит также и акт об инкорпорации Пруссии, где Польский король Сигизмунд-Август дал следующее обязательство: «Все значи-

---

⁴² W. K n o p p e k. Zmiany w układzie sił. Czas. Pr. Hist., t. VII(2), 1955, s. 90.

⁴³ Причем это равновесие сил не было стабильным и иногда нарушалось в пользу магнатов, как это имело место, например, в 1501 г., когда на вальном сейме в интересах можновладцев был принят Мельницкий привилей.

⁴⁴ См.: Monumentum wyd z r. 1831 (lum. W. Bandkiego), s. 6.

⁴⁵ Неправ в данном случае польский историк права А. Малецкий, который утверждал, что «вальные сеймы созывались лишь для обложения податями или объявления посполитого рушения. О реформах государственного управления по инициативе короля на них никогда речи не было». (См.:

тельные дела, касающиеся указанных земель, мы будем регулировать, обсуждать и окончательно решать вместе с общим советом панов указанных земель».⁴⁶

Как видим, эволюция польского сейма, которую мы проследили до конца XV в., т. е. до окончательного оформления в Польше двухпалатного сейма, заключалась в процессе расширения компетенции и полномочий сословно-представительных учреждений при одновременном ограничении королевской власти.

Иначе проходил процесс становления сословно-представительных учреждений в других странах Европы, где развитие института сословного представительства в XIV в. вскоре сменилось бурным процессом усиления абсолютистских тенденций. По этой причине там сословно-представительные органы выступают в XV в. не в качестве силы, ограничивающей права монархической власти, а скорее защищающей права сословий.

В этой связи нельзя полностью согласиться с К. В. Базилевичем, который отмечал, что «форма сословно-представительной монархии предполагает ограничение верховной власти в пользу господствующих сословий (Франция, Германия, Польша)».⁴⁷ В отношении Польши его утверждение является правильным, однако во Франции и Германии сословно-представительный орган не ограничивал власть монарха, а скорее всего выполнял функцию защиты прав сословий.

В соответствии с целями работы необходимо рассмотреть вопросы, связанные с ролью и местом вального сейма в системе централизованного управления Польши II половины XV—конца XVI вв. (до 1573 г.), когда, на наш взгляд, на смену сословно-представительной монархии пришла форма правления в виде так называемой феодальной республики с монархом во главе. Рассмотрению этой проблемы и посвящается следующая глава.

A. Małeckie. Jan Ostrońóg i jego Memoriał o urzędzeniu Rzeczypospolitej. Z przeszłości dziejowej, t. II. Kraków, 1897, s. 240.

А. Малецкий противоречит не только содержанию «Мемориала» Остроґа, но и данным других источников. Так, например, в 1456 г. в Новом Корчине король дал письменное обязательство о созыве вального сейма в целях разработки и принятия «...реформ или, по крайней мере, восстановления и исправления статуса королевства» (см.: J. V. Wandtkie, ук. соч., стр. 297). Также и Длугош сообщает о выступлении в 1459 г. королевского сановника Яна из Рытван по поводу отсрочки королем созыва вального сейма, на котором должны были быть рассмотрены и приняты решения о «укреплении и преобразовании государства» (см.: J. Długosz. Historiae Polonicae, V. Kraków, 1873—1878, ss. 293, 298).

⁴⁶ См.: Władztwo Polski u Prusiech zakonnych i książęcych (1454—1657). Wybór źródeł wyd A. Vetulani. Wrocław, 1953, s. 22, art. 15.

⁴⁷ К. В. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 82.

Г Л А В А III

СИСТЕМА ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЬШИ (II половина XV — конец XVI вв.)

Понять политический строй Польши II половины XV—XVI вв., значение вального сейма в системе централизованного управления страной можно лишь в связи с теми экономическими изменениями, которые произошли в Польском государстве за указанный период времени.

Начиная со II половины XV в. в Польше заметно растет число фольварков, т. е. феодальных хозяйств, основанных на эксплуатации барщинного труда крестьян и производящих преимущественно хлеб для продажи. Этот процесс был обусловлен тем, что Западная Европа стала испытывать все возрастающую потребность в привозном хлебе, и Польша превратилась в одного из основных экспортеров зерна в Нидерланды, Англию, Шотландию, Францию, Данию и другие страны.

В результате роста барщинной повинности все более усиливалась крепостная зависимость крестьян от феодалов. В этой связи К. Маркс указывал, что «там, где это имело место, барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины».¹

На базе укрепления феодально-крепостнических отношений, усиления эксплуатации крестьян и перехода к отработочной ренте шляхта упрочила свое экономическое положение и обеспечила усиление политического влияния в стране. Исход борьбы между городами и шляхтой за те выгоды, которые приносило развитие внутреннего и внешнего рынков, был предрешен в пользу последней ввиду ее явного политического перевеса. Естественно, что развитие фольварочно-барщинной системы и усиление крепостничества не могли не вызвать обострения классово-вой борьбы непосредственных производителей. В Польше XV—XVI вв. растет число антифеодальных крестьянских выступле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 248.

ний, в городах также происходило обострение социальных противоречий.²

Этим изменениям базиса феодального польского общества сопутствовали соответствующие изменения надстройки. Лишь учитывая эти изменения, можно понять, почему в Польше социально-политическое развитие пошло по иному пути по сравнению с другими европейскими странами, в которых также имели место в это время барщина и крепостничество.

Прежде чем приступить к анализу структуры вального сейма, принципов его деятельности в качестве высшего сословно-представительного учреждения в государстве, необходимо отметить, что польские источники XV—XVI вв. употребляют термин «сословия» применительно к вальному сейму не в общепринятом значении этого слова, а в целях обозначения его составных частей.

Так, говоря о трех «сословиях» (иногда говорится о трех «станах») сейма — короле, сенате и земских депутатах — польские источники не имеют в виду сословия как группу людей, за которыми государство закрепляет не только различие в их классовом положении, но и ряд других особенностей их правового положения.³

Один из юридических документов от 1551 г. так определяет состав сейма: «*ex cum senatu et legatis provincialibus*» (король с сенатом и послами от провинций).⁴

Исходя из этого и аналогичных определений, историк права ПНР К. Гжебовский утверждает, что первые два стана входят в состав представительного органа в соответствии с занимаемыми должностями, а не на основании привилегированной сословной принадлежности; земские же послы, по его мнению, являются представителями определенной административно-территориальной единицы (воеводства, земли), но отнюдь не шляхетского сословия.⁵

Такая трактовка вопроса представляется нам неточной: верхняя палата сейма — сенат — находилась полностью в руках магнатов и прелатов (светской и духовной феодальной знати), обладавших значительными земельными владениями и выделявшихся уже в начальный период сословной монархии особо привилегированным положением в феодальном обществе. Этим

² См.: История Польши, т. I. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 160, 166, 167.

³ Как известно, основой привилегированного положения всех высших сословий при феодальном строе была феодальная собственность на землю, а характерными чертами сословного деления общества являлось не только закрепление за господствующим классом многочисленных привилегий, но также наличие замкнутости сословий и передачи сословной принадлежности по наследству.

⁴ См.: J. Przułowski. *Leges sen statuta ac privilegia Regni Poloniae*. Kraków, 1551, s. 23.

⁵ См.: Konstanty Grzybowski. *Teoria reprezentacji w Polsce epoki odrodzenia*. Warszawa, 1959, s. 90.

объясняется их могущество как лиц, стоящих на высшей ступеньке феодальной иерархии (отсюда и название можновладцы), и сосредоточение в руках магнатов наиболее значимых и высоких постов в системе центрального и местного государственного управления.

Что же касается земских послов (*legatis provincialibus*, чаще источники называют их *puntii terrestres*), занимающих места в нижней палате сейма — в посольской избе, то за значительным исключением (имеются в виду представители городов и капитулов) они принадлежали к шляхетскому сословию (т. е. к среднему и мелкому дворянству), отличавшемуся от можновладцев как по величине своих земельных владений, так и по своему правовому положению в обществе.

Поэтому для более правильного определения состава вального сейма должны быть приняты во внимание прежде классовый и сословный критерии представительного государственного учреждения.

Вальный сейм, окончательно оформившийся в организационно-структурном отношении в конце XV в., функционировал в составе сената и посольской избы при обязательном, как правило, участии в его работе короля.

Для более глубокого уяснения вопроса о роли и значении вального сейма в системе централизованного управления остановимся на анализе королевской власти в Польше освещаемого периода, на исследовании состава и компетенции сената и посольской избы.

§ 1. Королевская власть

Королевская власть в Польше II половины XV—конца XVI вв., несмотря на большие ограничения, о которых подробно говорилось в I главе, все же была еще достаточно сильной.

Польское государство рассматриваемого периода занимало стабильное положение на международной арене, сохраняло свой суверенитет и успешно отстаивало свои интересы от происков немецкой агрессии. Так, германские императоры под разными предлогами делали неоднократные попытки вмешаться во внутренние дела Польши. Эти агрессивные попытки были решительно отклонены Польшей. Определенное значение для суверенности Польского государства имела также почти полная отмена в стране привилегий папского престола как главы католической церкви.

После Польско-Литовской унии 1569 г.⁶ Польша превратилась в обширное многонациональное феодальное государство, жестоко угнетающее как своих кметей, так и оказавшихся под игом польских феодалов украинцев и белоруссов.

Польская феодальная агрессия на Восток, развязавшая руки

⁶ Согласно унии, Литва и Польша сливались в одно государство — Речь Посполитую. Одновременно была завершена и инкорпорация в состав Польши Королевской Пруссии (Восточного Поморья).

своему основному, многовековому и жизненно опасному врагу — так называемой Священной римской империи германской нации, явилась по существу непоправимым бедствием, сыгравшим отрицательную роль в дальнейшей истории Польского феодального государства. Поэтому не случайно наиболее дальновидные лица неоднократно указывали на необходимость сосредоточить внимание на возвращении исконных польских земель на Одере и Балтийском море вместо пагубных устремлений польских феодалов на Восток.

Определяя правовое положение короля в Польше, следует прежде всего отметить, что он считался носителем верховной власти в государстве как исполнительной, так и в известной мере законодательной, ибо он занимал особое положение в вальном сейме.

Стремление к централизации государства в период сословной монархии привело в Польше, как и в других странах, к усилению королевской власти, к расширению ее прав. Однако в течение XVI в. эта власть подверглась значительному ослаблению.

Еще во II половине XV в. компетенция королевской власти была обширной. Это стремление к сосредоточению полноты и суверенности власти в одном органе имело прогрессивное значение. Польские короли Казимир Ягеллончик (1447—1492) и Ян Ольбрахт (1492—1501) проводили систему личного, энергичного правления, опираясь на среднюю шляхту и выступая совместно с нею против засилия можновладства и растущих претензий папского престола.

В области политической мысли господствующей была в то время концепция, сформулированная Яном Остророгом, согласно которой только король является единственным субъектом носителя суверенности в государстве как во внутренней жизни страны, так и особенно во внешнеполитической деятельности,⁷ причем эта концепция была популярной в Польше и в XVI в.

В I половине XVI в. королевская власть, боясь дальнейшего усиления шляхты, отказалась от ее поддержки и вступила в союз с можновладством. Однако это не способствовало ее усилению, на что, собственно, и рассчитывали короли; в результате средняя шляхта, ставшая уже реальной политической силой в стране, изменила свою позицию и выступила за ограничение королевской власти.

Радомская конституция Nihil Novi 1505 г. заметно ограничила законодательные права короля. Именно тогда, наряду с указанной концепцией Я. Остророга, появились среди шляхты высказывания о так называемой суверенности права, которому король

---

⁷ См. *Historia państwa i prawa polski od połowy XV w do r. 1795*, pod red. J. Bardacha. Warszawa, 1957, s. 124. — Как видим, Я. Остророг сформулировал концепцию, аналогичную той, которая несколько ранее появилась во Франции с требованием наделения французского короля правами абсолютного монарха.

обязан подчиняться.⁸ Суверенность права в понимании шляхты означала суверенность шляхетского сословия, представители которого в сейме стали играть важную роль.

Правда, в период, когда движение шляхты за «экзекуцию прав»⁹ (т. е. исполнение ранее принятых законов) достигло наивысшей точки, Сигизмунд II Август (1548—1572), оказав некоторую поддержку средней шляхте, смог снова несколько возвысить королевскую власть.¹⁰

Таким образом последние Ягеллоны, опираясь на поддержку Литвы и используя разногласия между магнатами и шляхтой, в союзе с той или другой стороной, обеспечивали соответствующий авторитет королевской власти.

В 1572 г. умер король Сигизмунд II Август, оказавшийся последним представителем династии Ягеллонов.

После этого происходит резкое ослабление королевской власти в Польше, что и нашло свое юридическое закрепление в так называемых Генриховых статьях 1573 г., о которых несколько подробнее будет сказано ниже. После принятия Генриховых статей, по нашему мнению, в Польше изменилась форма правления: период сословно-представительной монархии закончился и наступил период феодальной республики с монархом во главе в виде так называемой шляхетской Речи Посполитой. Именно к Польскому государству последующего периода и относится, на наш взгляд, слова Ф. Энгельса о Польше как о дворянской демократии с монархом во главе, как о своеобразной феодальной республике.¹¹

Какова же была компетенция королевской власти, каково было положение короля в сейме в указанный период, когда Польское государство по форме правления являлось своеобразной сословно-представительной монархией.

Как уже отмечалось, король занимал особое положение в вальном сейме: с одной стороны, его рассматривали как обособленного от остальных и доминирующего над ними представителя королевства, с другой стороны, он входил в состав верхней палаты сейма как «глава и фундамент коронного сената».¹²

---

⁸ См., например: В. Ulanowski. Sześć broszur politycznych z XVI i początku XVII stulecia. Kraków, 1921, s. 20.

⁹ «Экзекуция прав», сформулированная лидерами шляхты в середине XVI в., — программа реформ церковного и государственного переустройства. Они требовали возвращения коронных земель (так называемой редукции коронных имений), незаконно, без разрешения сейма, переданных отдельным лицам, учреждения национальной церкви, независимой от папского престола, уничтожения целибата духовенства, богослужения на польском языке, заключения более тесной унии с Литвой и Западной Пруссией, что должно было, по мнению шляхты, облегчить ее военную службу и создавало бы возможности приобретения новых земель.

¹⁰ См.: L. Kolanowski. Polska Jagiellonów. Lwów, 1936, s. 331.

¹¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 394.

¹² См.: Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta — 1555 i 1558 w Piotrkowie złoronych. Kraków, 1869, s. 147.

Правовой статус польского короля отличался значительным своеобразием, которого мы не встречаем в других европейских странах, где повсюду монарх выступает или как *rex solus* (абсолютный монарх) или как «король в парламенте».

В Польше же рассматриваемого периода король выступает и как монарх,¹³ и в качестве представителя королевства в сейме, и, наконец, как глава сената. При этом источники, как уже указывалось, определяли положение короля в сейме в качестве «слова» (т. е. «стана», как самостоятельной полноправной силы в сейме); так, например, в одном из документов сейма 1555 г. мы читаем: «А без соизволения третьего сословия, т. е. короля нашего Польского, никакие законы установлены быть не могут, которые обязывали бы подданных Вашей Королевской Милости».¹⁴

В результате принятой в Польше доктрины, что король составляет в сейме особое «сословие» (особый стан) и что сейм состоит из трех станов, прочно вошел в политическую жизнь страны прецедент: «нет сейма без короля». На практике этого положения твердо придерживалась посольская изба, в то время как сенат ставил вопрос о возможности функционирования и правомочности сейма в составе двух палат (станов) без участия короля. Так, на сейме 1558 г. «члены сената... дали знать послам, что из-за болезни король на сейм прибыть не может, однако же они сами готовы рассматривать дела, если все согласны принять в этом участие без королевской особы». Это предложение сената было отклонено депутатами посольской избы.¹⁵

Таким образом, в Польше II половины XV—конца XVI вв. был сформулирован и на практике осуществлялся правовой принцип неправомерности работы сейма без участия короля.

В рассматриваемый период королю принадлежало право законодательной инициативы и утверждения решений сейма, ибо без его согласия ни один нормативный акт не вступал в законную силу. Законодательные акты, исходящие от сейма, оглашались от имени короля с оговоркой, что они выданы с согласия сейма.

В области исполнительной власти король возглавлял весь государственно-административный аппарат страны с исключительно принадлежавшим ему правом, прямым и косвенным, назначения всех должностных лиц Польши. Наряду с этим король обладал дисциплинарной юрисдикцией по отношению к чиновни-

---

¹³ В данном случае нельзя согласиться с историком права ПНР К. Гжебовским, который в книге «Teoria reprezentacji w Polsce epoki odrodzenia» (на стр. 92) утверждает, что в указанный период король в Польше выступает и как *rex solus*. Никак нельзя поставить знак равенства между властью абсолютного монарха и монарха, ограниченного сословно-представительным органом.

¹⁴ Dzienniki sejmów walnych koronnych za panowania Zygmunta Augusta—1555 i 1558 w Piotrkowie złożonych, wyd. T. Lubomirski. Kraków, 1869, s. 27.

¹⁵ Там же, стр. 145.

кам, которые за проступки по службе могли быть подвергнуты наказанию в виде уплаты штрафа.

В период между сеймами король решал также некоторые вопросы внешнеполитической деятельности государства.

Такова была компетенция польского короля в период сословно-представительной монархии. Как видим, примерно это были обычные прерогативы королевской власти, ограниченной феодальными сословными учреждениями.

Конечно, королевская власть существенно ограничивалась вальным сеймом, в частности, значительно была ограничена его судебная власть, так, он не имел даже права помилования и амнистии.¹⁶ Но, несмотря на все это, прерогативы королевской власти оставались в исследуемый нами период еще весьма широкими.

Как уже отмечалось, фактически до 1572 г. в Польше трон занимали две династии: Пястов и Ягеллонов, обладавших своеобразным наследственным правом на престол, который не выпускали из своих рук, хотя условно каждый король считался избранным сеймом. Так, последний из Ягеллонов Сигизмунд II Август был избран на трон в возрасте 10 лет и коронован еще при жизни короля — своего отца.¹⁷

Поэтому, говоря о избирательности польских королей, следует иметь в виду в известной мере условность этих выборов в Польше до 1572 г., т. е. до года, когда действительно была введена так называемая «вольная элекция».

§ 2. Вальный сейм

Сенат

Сенат, как бы верхняя палата польского феодального парламента, получил правовой статус в конце XV в., вместе с тем он не переставал быть одновременно и королевским советом.

Верхние палаты сословно-представительных учреждений возникли на базе советов при монархах. Эти королевские советы почти во всех европейских странах постепенно преобразовались в верхние палаты сословно-представительных органов, составленных преимущественно из лиц, заседающих в них или в силу наследственного права или в связи с занимаемой должностью.

В Польше сенат, став сословным учреждением высшей феодальной аристократии, был органом представительства магнатов и духовной знати. Следует отметить, что в большинстве европейских стран члены верхней палаты постепенно выбывали из королевского совета, определяя состав которого, монарх стремился отдавать предпочтение квалификации и способностям чиновни-

¹⁶ См.: Historia państwa i prawa polski..., s. 126.

¹⁷ Volumina legum, t. 1. Petersburg, 1859, s. 496.

ков, не считаясь с их происхождением. В результате ослабевало влияние феодальной знати на центральный аппарат королевской администрации, который все более пополнялся подготовленными специалистами, в том числе и лицами из числа городского населения. Вследствие этого возрастало влияние в органах королевской администрации представителей городов в лице нарождавшейся буржуазии, чего нельзя сказать о местной администрации, где по-прежнему фактически господствовали феодалы.¹⁸

Более того, эти новые лица в центральном государственном аппарате постепенно начинают проникать в выборную нижнюю палату парламента, являясь и там проводниками интересов королевской власти.

В итоге такой эволюции во многих европейских странах в руках монархов оказался относительно независимый от парламента центральный правительственный аппарат, а также появилась и возможность влиять через депутатов из числа новых чиновников, зависимых от короля, на деятельность выборной нижней палаты парламента.¹⁹ В конечном счете этот процесс явился также одной из причин изменения формы правления в государстве: перехода от сословно-представительной к абсолютной монархии.

Эволюция государственного строя в Польше пошла по иному пути.

В Польше в отличие от других стран магнатам не удалось превратить сенат в свою наследственную верхнюю палату, места в сенате занимали высшие должностные лица центрального и местного управления.

Хотя государственный аппарат и комплектовался велением короля, однако освободить кого-либо от занимаемой должности было практически невозможно, так как должности замещались пожизненно.

В результате этого в сенате оказались не только сановники, занимающие соответствующие посты в центральном государственном аппарате, но также и высшие должностные лица из местной администрации (воеводы, каштеляны и др.).

Если на сенаторов из числа высших сановников центрального управления король имел все же возможность оказывать влияние, то, не имея постоянного контакта с сенаторами из числа воевод

---

¹⁸ Это ярко проявилось, в частности, в Англии и в ряде германских государств, где власть на местах (за исключением городских центров) находилась в руках феодалов, в то время как в учреждениях центральной администрации доля участия в них зарождающейся буржуазии являлась более ощутимой.

¹⁹ Так, английский государствовед Кэр (в кн.: «Constitutional History of Modern Britain 1485—1937». London, 1938, p. 141), в этой связи отмечает, что «столь же важным элементом в палате общин были чиновники и члены Тайного совета, которые, не будучи принятыми в среду лордов из-за своего незнатного происхождения, находили свое место в нижней палате парламента».

и каштелян, такие возможности в отношении последних отсутствовали.

Вместе с тем воеводы и каштеляны, будучи крупнейшими землевладельцами, пользовались влиянием среди местных феодалов и поэтому влияли на состав посольской избы — выборной нижней палаты сейма.

Правда были попытки и в Польше (например, в период правления Сигизмунда II Августа) создать полностью зависимый от короля совещательный орган в виде так называемого «камерного совета» (наподобие Тайного совета в Англии), но они не увенчались успехом.

Таким образом, сенат в Польше являлся одновременно королевским советом (с административными и судебными функциями) и верхней палатой сейма; по своему социальному составу он был можновладским, так как в него входили представители духовной знати — прелаты и светской знати — магнаты.

Правовой статус польского сената имел особенности. Сенат как палата сейма выступал, с одной стороны, в качестве органа, якобы зависимого от короля, ибо никто не мог стать сенатором в силу собственного (наследственного) права, а лишь на основании королевского назначения на соответствующую должность. С другой стороны, сенат, совпадающий в определенной степени по составу с королевским советом, будучи одновременно совещательным и административно-судебным органом при короле, являлся вместе с тем фактически от него независимым, так как должностные лица, занимая свои посты в государственном аппарате пожизненно, были несменяемы.

И, наконец, сенат, как одна из палат польского феодального парламента, мог вступать в сговор с посольской избой (что имело иногда место на практике), вымогая у короля новые льготы и вольности и ущемляя тем самым прерогативу королевской власти.

Сенат считался в структурно-организационном отношении единым однородным органом, хотя он и состоял, как указывалось, из представителей высшего духовенства и светской знати. В рассматриваемый период были предприняты попытки юридически разграничить в сенате два сословия: «советников духовных и советников светских».²⁰

Однако придать этой терминологии последствия правового характера не удалось из-за отрицательной позиции, занятой в этом вопросе посольской избой.²¹

Так, на заявление архиепископа Уханьского, что «они являются сословием иным, духовным и подчинены другому зако-

---

²⁰ Так, например, в королевском акте от 7 апреля 1507 г. говорится о «consilarii status utriusque» (советниках обоих сословий). См.: Corpus Juris Polonici typis mandavit, adnotationibus instruxit Osvaldus Balcer. Sectio I, t. III, N 16, p. 54.

²¹ См.: Dzienniki sejmów walnych. . ., wyd. T. Lubomirski, s. 115.

ну... послы (депутаты посольской избы. — *К. Л.*) ответили на это: у нас нет в Польше и мы не знаем ни о каком сословии, кроме одного Господина (т. е. короля. — *К. Л.*) и одного закона». ²² Очевидно имела место попытка прелатов в целях усиления своего влияния организационно обособиться в сейме от магнатов с правом самостоятельного голоса.

На основании этого польский историк права Рембовский отстаивал конструкцию двухсословного сейма в Польше: светское и духовное сословия в сенате; в посольской избе — послы от рыцарства и с мест. ²³

Эта точка зрения требует конкретизации и уяснения. Хотя Рембовский и говорит о двухсословной конструкции вального сейма в Польше, но в отношении посольской избы указанный им состав — послы от рыцарства и с мест — находится в противоречии с его же собственной концепцией.

Что, по его мнению, представляют собою послы с мест? Если это представители городов и капитулов, то тогда получается, что в нижней палате вального сейма были представлены три сословия: дворянство (шляхта), духовенство (от капитулов) и третье сословие от городов.

На эти вопросы Рембовский не дает ответа, и поэтому его концепция является противоречивой или во всяком случае незавершенной.

На наш взгляд, в сейме были представлены духовная и светская феодальная знать, шляхта, а также в известной мере можно говорить о представительстве городов и капитулов.

Что касается сената, то он может рассматриваться в качестве двухсословного учреждения, находящегося в руках магнатов и прелатов; при этом представители сословных групп не избирались, а занимали места в сенате как высшие должностные лица церковной иерархии в системе государственного управления. Состав сената был стабилизирован в начале XVI в., в него входили архиепископы, епископы, воеводы, каштеляны, придворные вельможи и государственные сановники высших рангов. Сперва он насчитывал 87 сенаторов, после присоединения Мазовии — 94, а после Люблинской унии 1569 г. — 140. ²⁴

Первым сенатором считался гнезненский архиепископ, из светских сановников незначительный приоритет в сенате имел краковский каштелян.

Члены сената принимали так называемую сенаторскую присягу, содержащую обязательство давать королю верные советы. Сенат созывался на сейм непосредственно королем одновремен-

---

²² Там же, стр. 245, 246.

²³ См.: Rembowski. Konfederacja i rokosz Porównanie stanowych konstytucyj państw europejskich z ustrojem Rzeczypospolite Polskiej. Warszawa, 1896, s. 309.

²⁴ См.: Historia państwa i prawa polski..., s. 119.

но с посольской избой, заседания же проводились, как правило, раздельно.

Как указывалось, посольская изба успешно выступила против попыток прелатов преобразовать сенат в структурно-организационном отношении со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями, что привело бы, в частности, к усилению самостоятельности и роли духовенства в сейме.

Кроме того, посольская изба отрицательно отнеслась также и к тенденции предоставления мест в сенате представителям крупных городов. Так, на сейме 1562 г., депутаты посольской избы в ответ на просьбу выделить места в сенате для представителей прусских городов заявили, что «является твердо установленным, чтобы представители городов в Коронном сенате не заседали».²⁵

Говоря о компетенции сената, следует отметить, что он принимал участие в законодательстве, рассматривая проекты нормативных актов, одобренных посольской избой, обсуждал вопросы внешней политики, имел судебные права при рассмотрении дел в сеймовых судах под председательством короля и т. д.

В польской политической литературе имеется множество различных трактовок правового статуса сената в государстве.

Так, одна группа авторов (например, историк права ПНР Ветуляни) рассматривает сенат в качестве королевского органа, полностью зависимого от монарха.²⁶

Другая трактовка склонна видеть в сенате орган, стоящий над королем и контролирующий его якобы от имени палаты депутатов, являвшейся по своему составу в основном шляхетской.²⁷

Определение роли сенаторов как «стражей» короля не являлось точкой зрения ни новой, ни специфически польской. Появилась она впервые в Англии в конце XIII в., на что и указывает Брэктон в книге «О законах и обычаях Англии», говоря следующее: «Есть выше, чем король, а именно — бог. Равным образом имеется закон, в силу которого король является королем. Король имеет также свой сенат, а именно совет из баронов, потому что совет — это как бы коллеги короля, а где есть коллегия, там есть и глава. Поэтому, если король будет без узды, то нет для него и закона, и должно надеть на него узду, если не хотят быть с королем без узды».²⁸

В Польше XVI в. это воззрение было сформулировано прежде всего Станиславом Ожеховским (1513—1566) — известным польским публицистом эпохи реформации и гуманизма, который, вы-

²⁵ См.: *Diariusz sejmku piotkowskiego v. p. 1565, poprzedzony kroniką 1559—1562*. Wyd. W. Chomętowski. Warszawa, 1868, s. 59.

²⁶ См.: *A. Vetulani. Lenno pruskie od traktatu, krakowskiego do śmierci ks. Albrechta*. Kraków, 1930, s. 18.

²⁷ *Dzienniki sejmów walnych...*, s. 103.

²⁸ *W. B l a c t o n. De legibus et consuetudinibus Angliae* (ссылка дана по кн.: *K. G r z y b o w s k i, ук. соч., s. 100—101*).

ступая на сейме 1566 г., говорил: «В Польше коронный совет — это не что иное, как стена между подданными и королем, которая должна и горячность короля умерять, и от нас, поданных, своеволия не допускать».²⁹

Еще более полно эта мысль выражена в следующих словах: «О сенате своем всецело знай, король, то, что ни по чему иному мы не отличаем короля от тирана, как только по сенату».³⁰

Именно против такой трактовки неоднократно выступали сами польские короли. Так Сигизмунд II Август, отвергая теорию о сенате как «узде» для короля, говорил: «... сидело их здесь (в сенате. — *К. Л.*) достаточно на этих скамьях, которые покушались на то, чтобы меня оседлать, но не преуспели в этом».³¹

И наконец, появилось в то время в политической литературе также высказывание, рассматривавшее сенат как учреждение, стоящее над посольской избой.

Так, Боратынский, выступая на сейме 1548 г., заявил: «... мы знаем, что послы ниже и меньше круга коронных советников (сенаторов. — *К. Л.*)».³² Была использована в этих целях и органическая теория сущности государства. Так, ксендз Кучборский говорил на одном из сеймов середины XVI в.: «Корона (государство. — *К. Л.*) телу человеческому подобна, в котором Ты — государь — голова, а советники твои (сенаторы. — *К. Л.*) — важнейшие члены, после которых стоит рыцарское сословие».³³

Еще в самом начале XVI в. сенат как сословный орган мжновладства потребовал в 1501 г. от короля Александра (1501—1506) согласия на Мельницкий привилей,³⁴ который предусматривал расширение правомочий сената, что обеспечило бы перевес его над недавно возникшей шляхетской посольской избой. Однако из этой акции магнатов ничего не получилось, она не соответствовала существующему соотношению сил внутри класса феодалов, и Мельницкий привилей не был проведен в жизнь.

Все эти концепции, на наш взгляд, не отражали реального соотношения классовых сил в Польше освещаемого периода.

Как указывалось, в Польше к началу XVI в. завершился полностью процесс оформления системы сеймиков и сейма, которая была создана в предшествующий период. При этом король при решении важнейших государственных дел должен был получить согласие не только сената, но и посольской избы, которые в совокупности образовали вальный сейм. К началу XVI в. польская

---

²⁹ См.: Orichoviana. Opeva inedita et epistule Stanisłai Orzechowski 1554—1566, t. I. Kraków, 1919, s. 624.

³⁰ См.: Januszowskiego. Sześć broszur politycznych. Kraków, 1811, s. 24.

³¹ См.: W. Kojalowicz. Dnevnik ljublinskagó sjejma 1569 goda. Peterburg, 1869, s. 505.

³² См.: J. Szujski. Diariusze sejmów koronnych 1548, 1553 i 1570. Kraków, 1872, s. 250.

³³ См.: Januszowskiego. Sześć broszur... s. 41.

³⁴ J. V. Bandtkie. Jus Polonicum, s. 361 i r.

шляхта становится признанным и влиятельным фактором государственной жизни, что и было юридически закреплено в 1505 г. принятием конституции *Nihil Novi*.

Поэтому в составе вального сейма сенат и посольскую избу следует рассматривать в качестве равнозначных учреждений с некоторым преобладанием роли и значения земских послов из числа средней шляхты.

Посольская изба

Посольская изба как одна из палат вального сейма являлась органом в основном представительстве шляхты, противостоящим можновладскому королевскому совету, который после возникновения посольской избы стал одновременно сенатом.

Сначала число депутатов посольской избы было невелико, насчитывая в начале XVI в. едва сорок с лишним депутатов; при этом каждое воеводство или земля были представлены в нижней палате сейма двумя депутатами.³⁵

Средняя шляхта, борясь за власть и желая устранить хотя бы численное превосходство магнатов в сейме, выдвинула в начале XVI в. требование созыва так называемого «рокошowego сейма», т. е. сейма, в котором могла бы принимать участие вся шляхта.

На основании закона от 1520 г.,³⁶ явившегося результатом компромисса между магнатами и шляхтой, воеводствам и землям было разрешено выбирать на вальный сейм произвольное число депутатов с той оговоркой, что король не будет платить больше чем 6 послам от земли. Кроме того, шляхта добилась в 1537 г. проведения совместных с панами выборов депутатов в посольскую избу, ибо до этого магнаты проводили самостоятельные выборы, в результате чего часто половину послов от земли составляли представители можновладцев.

После Люблинской унии в состав посольской избы стали входить 170 послов, в том числе 48 от Литвы.³⁷

Депутатов посольской избы конституция *Nihil Novi* называет *puntii terrestres* (земские послы),³⁸ и с того времени в Польше в официальных документах стала преимущественно употребляться лишь эта терминология.³⁹

Таким образом, в этом определении отсутствует понятие нижней палаты сейма как единого целого, а говорится лишь об от-

³⁵ См.: *Historia państwa i prawa polskiego...*, s. 117.

³⁶ *Corpus Juris Polonici*, III. Wyd. O. Balzer, s. 606.

³⁷ См.: *Historia państwa i prawa polskiego...*, s. 117.

³⁸ *Volomina legum*, I, s. 299.

³⁹ До 1505 г. состав посольской избы определялся иначе. Так, Петровский статут 1493 г. был принят «единой волей, советом и соизволением всех высокопоставленных лиц нашего королевства, рыцарства, шляхты и старост и всего народа». См.: *Archivum Komisji Prawniczej Polskiej Akademii Umiejętności*, t. III, s. 147.

дельных членах этого единства. Однако следует отметить, что в Польше рассматриваемого периода был все же достигнут такой уровень централизации, который позволяет Польское государство считать унитарным, хотя и продолжали сохраняться в нем остатки былой феодальной раздробленности.

Только этим и можно объяснить определенную правовую особенность воеводств и земель — основных единиц административно-территориального устройства страны, а также и то, что в политической литературе того времени посольская изба рассматривалась как собрание относительно самостоятельных представителей земель и воеводств. Точка зрения, что представляемым объектом является «terra», а не «regnum», т. е. земля, а не королевство как единое целое, находит в указанном определении состава посольской избы свое вполне ясное воплощение и свидетельствует о наличии в стране остатков былых удельных порядков.

Неправ историк права ПНР К. Гжебовский, утверждая, что «название членов посольской избы *puntii terrestres* (земские послы) подчеркивает территориальный, а не сословный характер этой палаты».⁴⁰

Сословный характер нижней палаты польского сейма выражен вполне определенно, в ней доминирующее положение занимало шляхетское сословие. В данном случае территориальный принцип не имеет существенного значения, так как каждая земля (воеводство) направляла в посольскую избу своих послов, выбирая их после 1537 г. преимущественно из среды средней шляхты.

Сделанная при этом К. Гжебовским ссылка на якобы имевшую место аналогичную картину в Англии («так же как в Англии, где не сословия, но земли (земельные общины) выбирают депутатов») ⁴¹ является неудачной.

В Англии сословный характер палаты общин был выражен еще более четко и ясно, чем в Польше: выборы депутатов действительно проводились там по земельным общинам (своеобразным избирательным округам), но в нижней палате английского парламента имелись представители от всех трех сословий: духовенства, дворянства и городского населения.

Как же следует понимать термин «terra», который имеет существенное значение для определения состава посольской избы. В дословном переводе это слово означает «земля», что и дало основание польским историкам права считать состав посольской избы представленной только «земскими» послами, исключаящими представительство городов и капитулов (духовенства).⁴²

⁴⁰ См.: K. G r z y b o w s k i. Teoria reprezentacji... , s. 103.

⁴¹ Там же, s. 104.

⁴² Аналогичной позиции в этом вопросе придерживаются и советские историки (см., например: История Польши, т. I. М., 1956, стр. 170; Всемирная история, т. III. М., 1957, стр. 712).

Вряд ли с таким выводом полностью можно согласиться.

Действительно, в конституции *Nihil Novi* говорится, что посольскую избу составляют *terragum nuntii*, но в практической деятельности сейма, отраженной в его дневниках, мы встречаемся с несколько иным положением. Так, накануне Петрковского сейма 1503 г. польский король Александр, перечисляя участников предстоящего сейма, а именно: баронов и земских послов, указывает также на необходимость вызова на сейм представителей Кракова, Львова, Люблина и других городов.⁴³

На том же знаменитом радомском сейме 1505 г., на котором была принята конституция *Nihil Novi*, в начале заседания перечисляются следующие участники этого сейма: *Praelati*, *Barones*, *Terragum et Civitatum nuntii* (прелаты, бароны, послы земель и городов), а законодательные акты этого же сейма среди лиц, принимавших участие в его работе наряду с *Venezabiles*, *Genegosi*, *Nobiles* (включенными, родовитыми, знатными), называют и *Famati* (известных), под которыми, очевидно, следует понимать представителей городов.

И после 1505 г. в нормативных актах мы встречаем указание на *civitatum nuntii* (послов от городов), принимающих участие в работе сейма в составе его нижней палаты.⁴⁴ Поэтому понимать слова конституции *Nihil Novi* «*nuntii terrestres*» как исключаящие полностью представителей городов из состава посольской избы, на наш взгляд, нет оснований. По-видимому, надо еще более широко трактовать слова «*nuntii terrestres*», под которыми иногда следует понимать не только представителей шляхты и городов, но также и капитулов — духовенства.

Так, на сейме 1542 г. земские послы выступили с требованием, чтобы в посольской избе были представители капитулов.⁴⁵

Архиепископ Уханьский, выступая на сейме 1562 г., в свою очередь отметил, что «раньше на сейме были послы не только от шляхетского сословия, но и от капитулов»,⁴⁶ считая такое положение вполне правомерным и напоминая об этом в связи с «экуэкуцией прав».

А на сейме 1556—1557 гг. представители городов обратились с просьбой распространить на города закон об ограничении церковной юрисдикции, при этом они заявляли буквально следующее: «О чем горожане, которые также по древнему обычаю среди послов земских на сеймах вальных послов своих имеют, беспокоятся и просят, чтобы этот упомянутый устав сейма, который

---

⁴³ F. P a p e. *Acta Alexandri*. Kraków, 1949, N 151, s. 240.

⁴⁴ См.: *Corpus Juris Polonici typis mandavit, adnotationibus instruxit* Osvaldus Balcer. *Sectio I, Volumen III*, N 11, s. 46.

⁴⁵ См.: K. G r z y b o w s k i. *Teoria reprezentacji w polsce...*, s. 105.

⁴⁶ См.: *Zródlopisma do dziejów Unii Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litowskiego*, wyd. A. T. Działyński. Poznań, 1856, s. 9.

имеет силу закона для каждого, был распространен и на города».⁴⁷

В этом очень интересном документе сейма мы видим указание на представительство городов в посольской избе, и что является еще более важным — подтверждение того, что городские послы считают себя входящими в состав земских послов (*terragum nuntii*). Шляхетские послы (земские послы) против этого положения, высказанного представителями городов на сейме 1556—1557 гг. не только не возражали, но даже выступили в поддержку их требований.⁴⁸

В данном случае уместно также привести слова и епископа Подневского, высказанные им на сейме, а именно: «Никакого сомнения в правах каждого быть не может, ибо что раз постановили в присутствии послов, как от рыцарства, так и от капитулов и от городов, так уж этого надлежит придерживаться»,⁴⁹ считая тем самым состав посольской избы, включающей представителей шляхты, городов и капитулов, не подлежащим никакому сомнению.

Следует отметить, что и в политической литературе Польши рассматриваемого периода нет еще высказываний о том, что закон закрывает дорогу в посольскую избу послам от городов и от капитулов.⁵⁰ Однако в течение XVI в. участие их в работе сейма было эпизодическим и совершенно не регулировалось нормами права. Отдельные проявления борьбы городов и капитулов за право представительства в вальном сейме были весьма нерешительными и робкими; скорее всего в этом деле они стали даже проявлять индифферентность.

Чем же объяснить причину указанной индифферентности?

Отсутствие постоянного представительства в посольской избе со II половины XVI в. представителей капитулов является в значительной степени результатом политики, проводимой клерикальной верхушкой в Польше. Ведь в предреформационный период и в период реформации⁵¹ как король, так и глава польской католической церкви, а неоднократно и сама посольская изба рассматривали участие представителей капитулов в нижней палате вального сейма (в состав сената, как известно, входила церковная верхушка) как дело само собою разумеющееся. Так, перед сеймом 1524 г. король специальным посланием напоминает

⁴⁷ См.: St. Bodniak. *Diariusz sejmii walnego warszawskiego z roku 1556—1557*. Kórnik, 1939, s. 55. — Представители городов вынуждены были выступить на этом сейме в связи с отрицательной позицией короля, отказавшего городам в получении указанных прав.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Zródlopisma do dziejów Unii Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego*, s. 10.

⁵⁰ См.: K. Grzybowski. *Teoria reprezentacji w polsce...* s. 108.

⁵¹ Реформация началась в Польше с половины XVI в. и была направлена против католицизма. Однако реформация не затронула ни богатств католической церкви в Польше, ни ее положения господствующей церкви.

о необходимости участвовать в работе вального сейма представителям духовенства.⁵² Представители капитулов принимают участие в работе сейма 1533 г.⁵³ Неоднократно ставился вопрос о представителях духовенства и самой посольской избой.⁵⁴ Но дело-то заключается как раз в том, что включение в состав посольской избы представителей духовного сословия могло иметь в то время невыгодные для его интересов последствия. В это время ставился вопрос о лишении церкви налоговых льгот, о необходимости привлекать духовенство к воинской службе, вопрос об ограничении церковной юрисдикции. Поэтому если бы духовное сословие было представлено в посольской избе, то согласно принципу канонического права *quod omnes tangit* (что касается всех) *vice omnium* (подобно всем) решения сейма были бы беспорно обязательными для всего польского клира. И вот тогда-то духовная знать выступила с заявлением, что не сейм, а только церковный синод правомочен определять положение церкви в государстве, а следовательно, и ее права и обязанности.⁵⁵

Кроме того, духовная знать вовсе не была заинтересована в том, чтобы низшее духовенство было представлено отдельно, так как это укрепляло бы его положение по отношению к церковной верхушке. В результате участие представителей капитулов в посольской избе постепенно шло на убыль.

Аналогичная судьба постигла и представителей городов в вальном сейме.

В состав посольской избы постоянно входили представители Кракова⁵⁶ и Вильнюса.⁵⁷ Но это были не обычные послы, а лица, занимающие соответствующие посты в системе городского управления.⁵⁸

Отсутствие широкого и постоянного представительства городов в сейме большинство польских ученых объясняют главным образом так называемым «шляхетским эгоизмом», отрицательной позицией шляхты в этом вопросе. Это объяснение можно было бы признать убедительным, если бы источники, во-первых, говорили о том, что польские города энергично боролись за предоставление им мест в феодальном парламенте, и, во-вторых, если бы мы располагали данными, свидетельствующими об отри-

---

⁵² См.: Acta Tomiciana, VII, N 64, s. 63.

⁵³ См. там же, XV, N 14, s. 25.

⁵⁴ См.: A. Dembińska. Zygmunt Stary, Zarys dziejów wewnątrz państwowych politycznych w latach 1540—1548. Poznań, 1948, s. 208.

⁵⁵ См.: B. Ulanowski. Materiały do historii ustawodawstwa synodalnego, t. I. Kraków, 1895, s. 393, 471, 476, 492.

⁵⁶ См.: Privilegium civitatis cracoviensis ot 18 VI 1513. Corpus Juris Polonici, ч. I, т. III, № 142, s. 291; см. там же № 189, s. 345. Decretum de nuntiis civitatis cracoviensis ot 27 II 1518.

⁵⁷ См.: Olizowski. De politica hominum societate, s. 189 (текст королевского привилея от 1568 г.).

⁵⁸ См.: Acta Tomiciana, t. XIV, N 437, s. 656.

цательной реакции в этом деле со стороны шляхетской посольской избы. Однако достаточных данных для такого утверждения мы не имеем. Более того, мы располагаем источниками, говорящими о проявлении шляхты в известной мере чувства солидарности и понимания по отношению к городам. Документы, в которых шляхта называет городских жителей (конечно, речь идет о городской верхушке) *amici* (друзьями),⁵⁹ стали появляться в Польше с середины XV в.

18 января 1513 г. король, удовлетворяя просьбу *milita ipsa* (самого войска) Краковской земли, распространил специальным привилеем шляхетские льготы на патрициат Кракова.⁶⁰

На вальном сейме 1562 г. депутаты посольской избы прямо заявили, «что города *non postrema pars est Rei Publicae* (являются не последней частью государства)».⁶¹

Эти некоторые элементы солидарности шляхты и городов, имевшие, в частности, место в вопросах реформации и так называемой «экзекуции прав», могли бы в Польше привести к представительству городов в вальном сейме. Однако этого не произошло, и дело здесь конечно, не в «шляхетском эгоизме», а в гораздо более сложных причинах.

Для того чтобы разобраться в этих причинах, необходимо сравнить польские города с городами тех стран, где они имели своих депутатов в местных и общегосударственных сословно-представительных учреждениях.

Как известно, в феодальном государстве города были двух видов: находившиеся в частном владении и принадлежавшие короне. Какие же быстрее добились «свобод» и права участия в представительных учреждениях?

Ученые, занимающиеся городским правом, чаще всего говорят, что в Германии, например, такими городами были прежде всего города, находящиеся в частном владении; в других же странах больших льгот добились королевские города.

Германские города, находившиеся в частном владении, несравненно были более многочисленными и сильными, чем слабые польские частновладельческие города. Поэтому германские города, находившиеся в частном владении, и сумели завоевать право иметь своих депутатов в сословно-представительном органе.

Что же касается королевских городов в Польше, то они не проявляли решительной заинтересованности получить право на представительство в посольской избе, очевидно, боясь зависи-

---

⁵⁹ См.: В. Ulanowski. Liber formularum ad ius Polonicum necnon canonicum spectantium. Kraków, 1895, t. I, N 43, s. 227, где говорится следующее: «*amici*» (друзья) — это «*tota communitas civitatis Piotroviensis*» (вся община города Петркова).

⁶⁰ См.: Corpus Juris Polonici, ч. I, t. III, N 142, s. 291.

⁶¹ Diariusz sejmu piotrkowskiego, r. p. 1565, poprzedzony kroniką 1559—1562, wyd. W. Chomętowski. Warszawa, 1868, s. 120.

мости от сейма и предпочитая находиться в подчинении непосредственно короля и его чиновников. Так недалековидно понимали города свои интересы. Еще более недалековидно понимал, на наш взгляд, свои интересы и король, который считал, что участие представителей городов в сейме усилило бы шляхетское сословие (в руках которых была посольская изба), не учитывая того важного обстоятельства, что, опираясь на городских депутатов, королевская власть значительно укрепила бы свои позиции в государстве.

Поэтому не случайны заявления королей во II половине XVI в. о неравноценности городского населения со шляхетским сословием. Так, на сейме 1556—1557 гг. Сигизмунд II Август говорил, что города «ни свободами, ни достатком, не могут быть сравнены со шляхетским сословием»,⁶² отрицая право посольской избы выступать от имени городов, и опять аргументируя, что «они не tanti (таковы по значению. — К. Л.), чтобы послам от рыцарства что-либо поручать могли».⁶³

Таким образом, следствием индифферентности городов по вопросу представительства в сейме являлось в XVI в. скорее всего не отрицательная позиция шляхетства, а выражение политики как самих городов, так и королевской власти. Правда, часть шляхетского сословия в составе посольской избы не скрывала в XVI в. своего отрицательного отношения к представителям городов. К этому были весьма серьезные основания. Дело в том, что в таком важном вопросе, как «экзекуция прав», которая призвана была упорядочить государственное управление и содействовать централизации страны, представители ряда крупных городов полностью поддерживали можновладский сенат, выступая против государственных реформ, защищая правовую обособленность отдельных земель, сохранившуюся со времен феодальной раздробленности.

Так, в одном из документов сейма 1563—1564 гг. мы читаем: «Хотя меньшие города и люди шляхетского сословия соглашались на эту экзекуцию, но главные города, а особенно Гданьск, уклонились от этого чуть ли *non cum quodam rebellione* (не с некоторой строптивостью)».⁶⁴ Этот факт и многие другие говорят о ряде польских крупных городов не как о сторонниках централизации государства и усовершенствования его управленческого аппарата, а как о защитниках правовой, политической и административной обособленности отдельных земель в государстве.

Это, конечно, не могло не сказаться на неприязненном отно-

---

⁶² См.: *Diariusz sejmu walnego warszawskiego z roku 1556—1557*, wyd. S. Bodniak, Kórnik, 1939, s. 50.

⁶³ Там же.

⁶⁴ См.: *Zródłopisma do dziejów Unii Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego*, s. 404.

шении части шляхты и в вопросе представительства городов в сейме.

Да и то незначительное представительство ряда городов (Кракова, Гданьска, Вильнюса и др.), которое имело место в сейме, было, как правило, из среды старого патрициата, основывающего свою роль в экономической жизни страны и свой политический вес в городах на привилегиях со времен феодальной раздробленности, что и способствовало их тяготению к союзу с можновладством.

В отличие, например, от Англии, где очень рано устанавливается союз зарождающейся буржуазии с джентри (частью дворянства), направленный против феодальной аристократии, в Польше верхушка крупных городов явилась по существу союзником магнатов.

Поэтому противоположность политических программ и устремлений городского патрициата и шляхты делает для последней, и как раз для ее относительно прогрессивной группы, участие представителей городов в сейме явлением политически невыгодным, могущим укрепить силы ее политического противника — можновладства. И не абстрактный «шляхетский эгоизм», а конкретный политический конфликт пробуждает у шляхты неприязнь по отношению к представительству городов в вальном сейме.

В этой связи следует подчеркнуть еще одно очень важное по политическим последствиям обстоятельство. Дело осложнялось еще и национальными различиями среди городского населения. Несмотря на то, что к рассматриваемому периоду абсолютное большинство населения польских городов принадлежало к полякам, городская верхушка, патрициат, по национальному составу был по-прежнему немецким, из числа которых и выбирались немногочисленные послы на вальный сейм. К. Маркс и Ф. Энгельс, характеризуя политическую роль городов в Польше, писали, что «немцы помешали созданию в Польше польских городов с польской буржуазией. Своим особым языком, своей отчужденностью от польского населения, тысячей своих различных привилегий и городских положений они затруднили осуществление централизации, этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны».⁶⁵ Поэтому не случайно, например, на сейме 1559 г. депутаты посольской избы требуют, «чтобы в Кракове советниками избирались только поляки, которых если бы так много не было, то тогда, однако, чтобы больше половины всегда было поляков, чем немцев, и так же во всех других городах и в Гданьске».⁶⁶

Однако это требование не получило поддержки сената, который встал на сторону немецкого патрициата, заявив сле-

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 338.

⁶⁶ См.: *Diariusz sejmu piotrkowskiego* у. р. 1565, *popredzony kroniką 1559—1562*, wyd. W. Chowętwowski. Warszawa, 1868, s. 193.

дующее: «...касательно краковских жителей, чтобы поляки в совет выбирались. Его Королевская Милость пану воеводе краковскому на усмотрение оставляет, коему это обычное право получает, а король Его Милость лишать его этого не хочет».⁶⁷

Требование полонизации городских властей открывало бесспорно ряд перспективных возможностей, в частности, это способствовало бы устранению национальных противоречий между представителями городов и земскими послами в сейме, что в свою очередь могло бы сблизить городских послов в вопросах политики с наиболее радикальной группой шляхты — с партией экзекуции прав.⁶⁸

Однако в Польше эволюция не пошла в этом направлении. Состав посольской избы остался ограниченным в значительной степени представителями шляхетского сословия.

* *
*

Вальный сейм созывался на основании специального королевского универсала, а в период бескоролья — примасом (гнезненским архиепископом) — главой польской католической церкви.

Сначала не было ни постоянных сроков созыва сейма, ни постоянного места его заседаний. Король созывал сейм тогда, когда была, по его мнению, в этом необходимость, и там, где он указывал. Часто причиной созыва сейма был вопрос о налогах, и поэтому сейм созывался иногда два раза в год, а иногда его не было в течение нескольких лет. Статистика показывает, что в рассматриваемый период сейм созывался в среднем ежегодно один раз.

Существенное изменение произошло после 1573 г., когда Генриховы артикулы обязали короля созывать сейм каждые два года, предусматривая также возможность созыва внеочередного сейма для решения чрезвычайных вопросов.⁶⁹

До 1573 г. время работы сейма ничем не ограничивалось, и в зависимости от количества выносимых на рассмотрение вопросов он мог продолжаться и несколько месяцев. Генриховы артикулы и здесь уточнили регламент работы сейма, установив, что продолжительность обычного сейма не может быть более шести, а чрезвычайного — более двух недель. В случае необходимости продления сроков работы сейма (так называемой пролонгации) требовалось согласие всех депутатов. После Люблин-

⁶⁷ Там же, стр. 246.

⁶⁸ На такую вполне реальную возможность указывает тот факт, что большие города, где старый немецкий патрициат был представлен слабее, занимали позицию, поддерживающую в определенной мере программу «экзекуции прав».

⁶⁹ См.: Volumina legum, II, s. 909.

ской унии 1569 г. местом созыва стала Варшава, однако каждый третий год сейм проходил на территории Великого княжества Литовского, а местом созыва сейма коронации, как и раньше, оставался Краков.

Сейм открывался богослужением, после чего король собирал сенат, а посольская изба под председательством самого старшего депутата выбирала маршалка. Затем происходила регистрация депутатов и проверка действительности полномочий послов. По окончании этой процедуры весь состав посольской избы направлялся в сенат к королю, где выслушивалось так называемое депутатское приветствие, на которое отвечал от имени короля канцлер. Далее канцлер объявлял причину созыва сейма, после чего на совместном заседании палат заслушивались иностранные представители, сообщения депутатов о результатах проверки финансовой документации подскарбия и т. д. Наконец, совершался так называемый «сенаторский во-тум» — напутствие депутатам от лица сената, после чего палаты продолжали уже работу в отдельных заседаниях.

Посольская изба обсуждала проекты, внесенные королем, выдвигала и рассматривала собственные предложения, выносила решения по жалобам. При этом правом законодательной инициативы, наряду с королем и сенатом, обладал по существу каждый депутат, направлявший свои предложения на имя маршалка как председателя посольской избы.

В целях информации о ходе обсуждения рассматриваемых вопросов обе палаты посылали друг к другу своих представителей или в случае необходимости собирались на совместные заседания, где происходил обмен мнениями и король отвечал на запросы депутатов.

Следует отметить, что указанная процедура работы сейма не была ни точно фиксированной, ни совершенной. В частности, урезанными правами обладал маршалк посольской избы, что не могло не отразиться отрицательно на руководстве им заседаниями нижней палаты сейма.

Для принятия сеймом решения и издания нормативного акта нужно было в принципе полное единогласие депутатов нижней палаты сейма. Требование единогласия опиралось на принцип, что там, где речь идет о налогообложении и вообще о привилегиях феодалов, все постановления должны быть приняты с согласия всех, обладающих соответствующими льготами и вольностями. Поэтому депутат, который представлял в посольской избе сеймик, т. е. всю шляхту своей земли, должен был неукоснительно придерживаться данной ему инструкции.

Что касается сената, то для его решений принцип единогласия был не обязательным, так как король имел право решающего голоса.

Если в сейме не приходили к единогласию, то король мог обратиться к сеймикам с просьбой принять нужное для него

решение. Как указывалось выше, король иногда вообще не созывал сейма, а предпочитал иметь дело с провинциальными (генеральными) сеймами.⁷⁰

Следует отметить, что в ходе обсуждения вопросов в польской избе, в которой главенствующую роль играла средняя шляхта, достаточно быстро приходили к единогласию, которое, впрочем, не понималось в рассматриваемый период абсолютно формально (как это стало иметь место в Польше после утверждения принципа «*liberum veto*» с 1652 г.),⁷¹ так что голос немногочисленной оппозиции сводился на нет преобладающим большинством.

Компетенция вального сейма была определена законом, изданным в 1505 г. в Радоме и известным под названием «конституции *Nihil Novi*», о которой уже неоднократно говорилось в работе. Согласно закону сейму предоставлялась вся полнота законодательной власти в Польше, о чем свидетельствует следующее положение «конституции»: «...от сего времени и на дальнейшие времена ничто не может быть решено нами королем и нашими преемниками без общего позволения сенаторов и земских депутатов...».⁷²

На сейме 1538 г. еще более отчетливо подчеркивалось, что король не вправе принять ни одного нового закона без согласия вального сейма.⁷³

Правда, практически король мог издавать самостоятельно нормативные акты в виде эдиктов, но в строго ограниченных пределах: в вопросах, относящихся к королевским городам, в вопросах ленных отношений, правового положения крестьян в королевских поместьях, горного дела, которое было королевской регалией. Этим, собственно говоря, и исчерпываются самостоятельные права короля в вопросах издания нормативных актов.

Компетенция вального сейма была весьма широкой: решение налоговых вопросов, различных вопросов административного характера, созыв «посполитого рушения», определение направлений внешней политики, осуществление контроля за государственной казной, заслушивание отчетов подскарбия, а в качестве высшего суда в государстве, так называемого сеймового суда под председательством короля, сейм рассматривал дела особой важности, обладал правом амнистии и помилования и т. д.

Следует отметить, что точно очерченной границы между компетенциями сейма и короля проведено не было, поэтому в зависимости от ситуации сейм иногда сам решал тот или иной воп-

---

⁷⁰ См. стр. 41 настоящей работы.

⁷¹ См.: К. Е. Ливанцев. Гл. XI. Польша, стр. 777. — Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Под ред. акад. В. М. Корецкого. М., Госюриздат, 1961.

⁷² См.: *Volumina legum*, I, s. 299.

⁷³ См. там же, s. 526.

рос, который раньше считался в исключительном ведении королевской власти.

С конца XVI в. в Польше все чаще стали возникать трения между королем и сеймом по самым различным вопросам финансового, административного, военного характера и становилось все более очевидным преобладание вального сейма в решении государственных дел. Поэтому не случайно появление в то время в политической литературе концепции, что не король, а вальный сейм — орган власти и управления, реализующий суверенность государства.

* * *

Земские сеймики во II половине XV—XVI вв. Со времени образования в составе вального сейма посольской избы роль и значение земских сеймиков несколько падает. Правда, они продолжали сохранять большое значение в пределах воеводства или земли; при этом сеймики, в зависимости от рассматриваемых ими вопросов, делились на предсеймовые, выборные, междусеймовые и отчетные.

Как правило, в пределах воеводства функционировал один сеймик; иногда два воеводства имели общий (например, Познанское и Калишское воеводства имели общий сеймик в Шроде). Однако в тех воеводствах, которые делились на земли, сеймики были в каждой земле (так, например, в Мазовецком воеводстве было 10 земель, и следовательно, 10 сеймиков).

Во всем государстве в XVI в. насчитывалось и функционировало более 70 сеймиков.⁷⁴

Предсеймовые сеймики созывал староста (представитель королевской власти на местах) на основании королевского универсала в определенное время, предшествующее созыву вального сейма. В XVI в. на каждом сеймике присутствовал представитель короля в лице особого легата, который оглашал королевское послание, излагающее причины созыва сеймика в связи с предстоящим вальным сеймом. На сеймик съезжались все феодалы воеводства или земли, а именно: можновладцы, средняя и мелкая шляхта. Кроме выборов послов на вальный сейм, они составляли так называемую инструкцию — наказ депутатам земли, которую каждый делегат получал в письменном виде. Инструкция содержала указания, касающиеся мнения данного сеймика по вопросам, которые должны будут обсуждаться на вальном сейме. Делегат строго должен был придерживаться данного ему наказа, хотя на практике и имели место редкие случаи, когда послы голосовали за предложения короля, вопреки указаниям инструкции.

---

⁷⁴ См.: Historia państwa i prawa polskiego. . . , s. 115.

После окончания работы вального сейма на местах созывались отчетные сеймики, на которых заслушивались сообщения послов о выполнении данных им наказов и насколько решения сейма соответствуют этим наказам.

Сеймики в пределах своей земли издавали нормативные акты по вопросам земского самоуправления, обязательные для данной земли и называемые «*laudami*».⁷⁵

После 1572 г. в Польше значительно ослабевает королевская власть и вновь устанавливается магнатская олигархия, которая на рубеже XVII столетия стала прибирать к своим рукам и сеймики, что вновь привело к росту их значения в системе органов государственной власти и управления.

Однако этот период выходит за хронологические рамки данной работы и поэтому автор позволяет себе ограничиться указанным замечанием.

---

⁷⁵ См. там же, стр. 116.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании всего изложенного материала, анализа источников и литературы вопроса, можно, на наш взгляд, сделать следующий вывод о форме правления Польского государства II половины XIV—конца XVI вв. (до 1572 г.): Польское феодальное государство рассматриваемого периода представляло собою по форме правления своеобразную сословно-представительную монархию, отличающую ее по созданной оригинальной системе органов власти и управления от других европейских стран.

Говоря о форме правления Польского государства XIV—XVI вв., историко-правовая наука ПНР определяет ее следующим образом: Польша XIV—II половины XV в. представляет собою сословную монархию. Что же касается формы правления Польши II половины XV—XVI вв., то она получила название «шляхетской демократии».⁷⁶

Так в работе «Historia państwa i prawa polski do roku 1795» говорится, что «шляхетская демократия явилась своеобразным изменением сословной монархии...».⁷⁷

Нам представляется неправильным данное утверждение применительно к Польше II половины XV—XVI вв. Наука теории государства и права выработала вполне определенное, общепринятое понятие формы государства, которая в феодальном государстве выступает в виде монархии и иногда республики. Иначе говоря, типичной государственной формой диктатуры феодалов была монархия.

---

⁷⁶ См., например: Pamiętnik VIII zjazdu historyków polskich w Krakowie. Warszawa, 1958, s. 521; Z. Kaczmarszyk. Typ i forma państwa polskiego w okresie demokracji szlacheckiej, «Odrodzenie w Polsce», t. I. Historia. Warszawa, 1955, s. 500 i. n.

⁷⁷ Historia państwa i prawa... s. 35.

Понятие «шляхетская демократия», так же как и «афинская демократия» в рабовладельческом обществе, «буржуазная демократия» в капиталистическом государстве определяет скорее всего сущность диктатуры правящего класса, политический режим как методы и способы государственного управления. Очевидно, в этом смысле и следует понимать известную характеристику Ф. Энгельса, данную им Польше в работе «Крестьянская война в Германии», а именно: «Покоящаяся на крепостничестве дворянская демократия в том виде, как она существовала в Польше... является одной из самых примитивных общественных форм...».⁷⁸

Известный советский историк-полонист В. Д. Королюк совершенно правильно отмечает, что «окончательное оформление сословной монархии в Польше было юридически подготовлено шляхетскими привилегиями при короле Казимире IV Ягеллончике».⁷⁹ Однако он избегает термина сословно-представительной монархии, что, на наш взгляд, является не совсем правильным, и не указывает хронологических рамок периода сословно-представительной монархии в Польше, которая, по нашему мнению, охватывала время со II половины XIV—XVI вв., с появления общегосударственных съездов феодалов и до 1572 г., когда умер последний представитель династии Ягеллонов Сигизмунд II Август.

Как уже указывалось, говорить о появлении в Польше новой формы правления в виде феодальной республики с монархом во главе можно лишь начиная с 1573 г., когда были приняты Генриховы артикулы. Они регламентировали и определяли основные вопросы государственного правления, акцентируя внимание прежде всего на соотношении правомочий королевской власти и сейма, закрепляя при этом явное преобладание вального сейма над королем. Генриховы артикулы вводили официально впервые в истории Польского государства так называемые свободные королевские выборы, при этом особо подчеркивалось, что короли в Польше не должны иметь наследственного титула.

Генриховыми артикулами король вынужден был не только отречься от наследственной власти, но он также гарантировал свободу диссидентам, т. е. не католикам, обещал не решать никаких вопросов государственной жизни без совета с учрежденной специальной комиссией из 16 сенаторов-резидентов. Более того, в случае неисполнения статей Генриховых артикулов феодалы освобождались от повиновения королю. Тем самым было узаконено вооруженное восстание шляхты против короля («рокош»)⁸⁰.

---

78 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 394.

79 История Польши, т. I. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 170.

80 Volumina legum, II, s. 901.

Формы феодального государства были различными, но классовая его сущность оставалась одна и та же. В этой связи В. И. Ленин отмечал, что «и здесь формы государства были разнообразны, и здесь мы имеем и монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими признавались единственно только помещики-крепостники. Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно».⁸¹

Так в Польше произошло превращение сословно-представительной монархии в феодальную республику во главе с королем.

Как указывалось, в исследуемый нами период, начиная со II половины XV в., шляхта становится решающей политической силой в государстве. Поэтому применительно к Польше этого периода, характеризую ее политический режим, можно говорить о шляхетской демократии. После появления в Польше новой формы правления в виде феодальной республики с монархом во главе постепенно происходят изменения в политическом режиме, в результате чего вся полнота государственной власти в начале XVII в. снова сосредоточивается в руках феодальной аристократии.

Итак, государственный строй Польши освещаемого периода по форме правления представлял сословно-представительную монархию, имевшую существенные особенности: одновременное функционирование в стране вального сейма, провинциальных сеймов и земских сеймиков, ослабление королевской власти и возвышение шляхты, совпадение по составу сената с королевским советом, особое правовое положение земских послов, связанных наказами с мест, экономическая и политическая слабость польских городов, отсутствие постоянного, регулируемого нормами права, представительства торгово-ремесленных кругов города и капитулов в посольской избе, засилие немецкого элемента в составе патрициата крупных городов, их индифферентность к вопросам централизации страны и усиления королевской власти, сохранение в стране остатков былых удельных порядков.

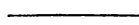
Эта оригинальность и своеобразие формы правления привели к тому, что если на Западе сословно-представительные монархии преобразовались в абсолютные наследственные монархии, то в Польше к концу XVI в. утверждается феодальная республика во главе с выборным королем, которая была выражением безраздельного господства феодальной анархии и шагом назад по сравнению с абсолютизмом, являвшимся на соответствующем этапе выражением определенного прогресса.

---

⁸¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 76.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение.	3
Глава I. Особенности политического строя Польши II половины XIV—I половины XV вв.	7
§ 1. Объединение Польши. Будзинский договор, Кошицкий привилей. Польско-Венгерская уния.	—
§ 2. Олигархия магнатов Малой Польши и ее борьба за власть с феодалами Великой Польши.	13
§ 3. Польско-Литовская уния. Корчинский и Петровский привилей.	17
§ 4. Общегосударственные съезды феодалов и земские сеймики. Червинский привилей. Вартский статут.	22
§ 5. Рост антифеодального движения польских крестьян. Гуситское движение в Польше. Едлинско-Краковский привилей.	31
Глава II. Генезис Польского сейма.	35
Глава III. Система централизованного управления Польши II половина XV — конец XVI вв.	51
§ 1. Королевская власть.	53
§ 2. Вальный сейм.	57
Сенат	—
Посольская изба	63
Заключение	76

Ливанцев Константин Евгеньевич

**Сословно-представительная монархия в Польше,
ее сущность и особенности**

Редактор *Г. Я. Панова*

Обложка художника *Г. А. Соколова*

Техн. редактор *Е. Г. Учаева*

Корректор *В. К. Измайлович*

М-43517. Сдано в набор 8 VII 1968 г.
Подписано к печати 10 X 1968 г. Уч.-изд. л. 5,31.
Печ. л. 5. Бум. л. 2,5. Бумага тип. № 1.
Формат бум. 60×90¹/₁₆. Тираж 964 экз.
Заказ 450. Цена 34 коп.
Издательство ЛОЛГУ им. А. А. Жданова.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград,
Университетская наб., 7/9.

34 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1968